

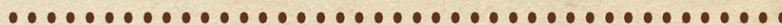
ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

ПЕНИЕ ПОД
ПОКРОВОМ НОЧИ

Родерик Аллейн

Найо Марш

Пение под покровом ночи

«АСТ»

1959

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Пение под покровом ночи / Н. Марш — «АСТ»,
1959 — (Родерик Аллейн)

Шум волн всегда манит любителей морских путешествий, однако инспектор Родерик Аллейн взошел по трапу корабля «Кейп-Фейруэлл» отнюдь не развлекаться. У него есть основания подозревать, что на корабле – печально известный «маньяк-романтик», привыкший оставлять на телах своих жертв красивые цветы. Однако как распознать убийцу-душителя в числе пассажиров, многие из которых и так уже, кажется, готовы вцепиться друг другу в горло?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Марш Н., 1959
© АСТ, 1959

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Найо Марш

Пение под покровом ночи

Действующие лица:

Мистер Кадди – торговец мануфактурой
Миссис Кадди – его жена
Мисс Кэтрин Эббот – специалист по церковной музыке
Мистер Филипп Мэрримен – учитель на пенсии
Отец Джордан – священник англо-католической церкви
Его друг, тоже священник
Джемайма Кармишель
Доктор Тимоти Мэйкпис – офицер медслужбы с «Мыса Фаруэлл»
Мистер Обин Дейл – знаменитость с коммерческого телевидения
Его дражайшая подруга
Их общий дражайший друг
Их общая дражайшая подруга
Мистер Дональд Макангус – филателист
Денис – стюард
Офицер беспроводной связи
Капитан Баннерман – капитан торгового судна «Мыс Фаруэлл»
Суперинтендант Родерик Аллейн – отдел криминальной полиции, Скотленд-Ярд
Констебль полиции Мойр
Водитель такси
Моряк
Миссис Диллингтон-Блик
Ее подруга

Глава 1

Пролог с трупом

Над всем Лондонским Пулом¹ и далее к востоку над доками тяжелыми пластами навис туман. Фонари плавали в нем, как маленькие луны в нимбах своего слабого сияния. Даже маленькие здания выглядели теперь величественно. Суда компании «Кейп Лайн» стояли у причала на якоре, и корпуса их зловеще возвышались над набережной: ««Мыс Сент-Винсент», Глазго», ««Мыс Горн», Лондон». ««Мыс Фаруэлл», Лондон». Верхушки кранов, обслуживающих эти корабли, были словно обезглавлены туманом. И оттого все их движения – наклоны, повороты – выглядели как-то особенно величественно.

За этими освещенными участками все остальные доки тонули в тумане. Пассажиры, поднимающиеся на борт «Мыса Фаруэлл», попадали из света в никуда. Все шумы и звуки были приглушены и словно изолированы, и если кому-то из присутствующих вдруг доводилось кашлянуть в кулак, то этот звук мог показаться громче тараканий лебедки.

Констебль полиции Мойр, дежуривший сегодня до полуночи, то возникал в круге света, то снова пропадал в тени. Он вдыхал прохладный запах отсыревшего дерева, слышал шлепанье волн ночного прилива о сваи причала. Вокруг полицейского простирались акры судов и суденышек, целые леса кранов. Корабли, романтично размышлял он, – это своего рода маленькие отдельные миры. Сейчас привязаны к швартовым тумбам и стоят себе тихонько, но как только уйдут в свободное плавание по морям и океанам, станут одинокими, точно планеты в небесах.

Констеблю страшно хотелось попутешествовать. И утешался он лишь мыслями о женитьбе и перспективах повышения, а когда служба начинала особенно тяготить, мечтал, что рано или поздно получит медаль за эту самую службу и будет купаться в лучах славы. В проходе между зданиями, что выходили на пристань, он шел медленнее, потому что движение здесь было более оживленное. То и дело подъезжали автомобили. Особенно впечатлила его новенькая спортивная модель с потрясающей рыжеволосой дамочкой за рулем и тремя пассажирами, в одном из которых он с удивлением узнал популярного телеведущего, Обина Дейла. Очевидно, и другие двое, мужчина и женщина, тоже имели отношение к этому таинственному миру ослепительно ярких огней, передвижных камер и писем от многочисленных поклонников. Да достаточно было послушать, как они перекликались, то и дело называя друг друга «дорогой» и «дорогая», пока шли по этому проходу.

Констебль полиции Мойр продолжал добросовестно обходить территорию. То пропадал во тьме, то вновь возникал в круге света. Он достиг границы подведомственного ему участка и двинулся вдоль нее. Ко входу в здание морского вокзала подкатил автобус, и Мойр наблюдал за тем, как из него вышли пассажиры и с опущенными головами и чемоданами в руках двинулись на посадку на «Мыс Фаруэлл». Два священнослужителя, супружеская пара, роскошная грудастая дамочка со своей подругой, добродушного вида джентльмен, хорошенькая и довольно юная леди с несчастным выражением лица. Позади всех уныло тащился молодой джентльмен, который выглядел так, словно собирался предложить этой девушке донести багаж, но никак не мог решиться. Вот все они вошли в туман, точно фантомы, – верно, двинулись на посадку – и исчезли из вида.

Еще два с половиной часа Мойр патрулировал территорию. Строго посматривал на пьяниц, что попадались время от времени, оглядывал припаркованные автомобили, наблюдал за судами и пабами, прислушивался к каждому подозрительному звуку. В половине двенадца-

---

¹ Лондонский Пул – отрезок Темзы, примыкающий к Тауэрскому мосту, старейшая часть лондонского порта. – *Здесь и далее: примеч. пер.*

того он свернул к причалу и прошел мимо целого строя пришвартованных мелких суденышек, плохо освещенных и погруженных в тишину, к тому же еле различимых в тумане, сгустившемся вокруг них.

«Тихо, – подумал он. – Очень тихий участок».

И как раз в этот момент вздрогнул от неожиданно резкого мяукающего крика.

– Интересные дела, – пробормотал он. – Не часто доводится слышать, как кричат чайки ночью. Всегда думал, что они спят, как и подобает порядочным христианам.

Крик прозвучал снова, но уже коротко, словно кто-то снял иглу с пластинки. Мойр не мог точно сказать, откуда донесся этот звук – вроде бы откуда-то со стороны причала компании «Кейп Лайн». Он дошел до самого конца набережной и поспешил обратно. Теперь уже явственнее слышались звуки возни и суеты у судна «Мыс Фаруэлл». Погрузка шла полным ходом.

Вернувшись в проход к причалу, он увидел привокзальное такси: машина стояла в тумане и выглядела заброшенной. Приблизившись, он с удивлением заметил водителя, застывшего за рулем. Таксист сидел так неподвижно, что Мойр подумал – наверное, заснул. Констебль наклонился, заглянул внутрь.

– Добрый вечер, друг, – сказал он. – Самая подходящая погодка, чтобы заблудиться в тумане.

– Это уж точно, – хриловатым голосом буркнул водитель. – Эй! – продолжил он, высунувшись из машины и уставившись на полицейского. – Вы никого не видели?

– Видел? Кого именно?

– Юбку. Правда, больше смахивает на боксерские трусы.

– Нет, не видел, – ответил Мойр. – Это ваша пассажирка?

– Ага! Как же, пассажирка! Выскочу всего на полминутки, говорит, и сматывается с концами. Полминутки, ага! Черт, торчу здесь уже полчаса, никак не меньше.

– А куда она пошла? На корабль? – Мойр кивнул в ту сторону, где стоял «Мыс Фаруэлл».

– Ну, само собой. Работает в цветочной лавке. Должна доставить букет какой-то придурочной девке, а та наверняка скормит его рыбам, если не понравится. Вы только посмотрите на часы! Уже почти полночь! А она как сквозь землю провалилась!

– Вероятно, не может найти получателя, – предположил констебль, по привычке используя терминологию, принятую в судебных заседаниях.

– Вероятно, не может найти этот дурацкий корабль, уж не говоря о море! А может, просто утонула и с концами, – яростно пробормотал таксист.

– Уверен, все обстоит не так серьезно.

– А чем, по-вашему, я зарабатываю на хлеб? Двенадцать шиллингов и шесть пенсов – когда и как я их получу, а? Нет, ей-богу, плакали мои денежки, так что придется искать нового клиента.

– На вашем месте я бы не торопился, – посоветовал ему Мойр. – Подождал бы еще немного. Она вернется. А знаете, кто еще на борту этого корабля? Сам Обин Дейл!

– Тот хмырь из ящика, который рекламирует купальники от Джолиона и ведет шоу «Упакуй свои беды в старый мешок»?

– Точно. И сдается мне, она увидела его и не может оторвать взгляда. Все девицы просто сходят с ума по этому Обину Дейлу.

– Глупые коровы, – пробормотал таксист. – Подумаешь, какой-то хмырь из телека!

– Так почему бы вам не попробовать подойти к кораблю и поискать ее там?

– Черт, да с какой стати?

– Идемте. Я тоже пойду с вами. Покажу вам дорогу.

Таксист пробормотал что-то неразборчивое, однако вылез из машины, и они вместе двинулись по проходу. Он был довольно длинный, и тьма тут стояла – хоть глаз выколи, но впереди

сквозь туман светилось расплывчатое пятно пристани. Наконец они вышли к ней и оказались почти у самого корабля. Корма нависала над причалом, сквозь пелену просвечивало название судна: «МЫС ФАРУЭЛЛ ГЛАЗГО».

Добрая половина люков в этой части и в середине была уже задраена, лишь в носовой части продолжалась погрузка. На корме у освещенного трапа стоял, опираясь о поручни, матрос. Мойр поднял голову.

– Эй, приятель! Не видели здесь девушку, которая проносила цветы на борт? – спросил он.

– Часа два тому назад?

– Да нет, около получаса.

– Никого похожего не видел с тех пор, как подошел сюда, а было это, когда пробило восемь склянок.

– Послушай! – крикнул таксист. – Но она должна была пройти здесь.

– Никого тут не было. Я здесь на дежурстве. И никаких цветов на борт не проносили после того, как пробило восемь склянок.

– Ладно, ладно, мы поняли, – раздраженно проворчал таксист. – Склянки, это надо же!

– Все пассажиры уже на борту? – поинтересовался Мойр.

– Последний зашел минут пять назад. Так что коробочка полна, все в сборе, в том числе и мистер Обин Дейл. Хотя вы ни за что бы его не узнали, ведь он распрощался со своими бакенбардами. Прямо на себя не похож! О господи, – матрос взмахнул рукой, указывая то ли на свой подбородок, то ли на шею. – Нет, ему это не идет, придется, видно, отращивать снова, – добавил он.

– Ну а кого-нибудь еще не заметили? Того, кто как бы не на своем месте?

– Здравсте-пожалуйста! Да что случилось-то?

– Пока, насколько мне известно, ничего. Ровным счетом ничего.

– Как же тихо, – заметил матрос. – В тумане всегда так тихо. – Он сплюнул за борт. – Я тут слышал, как поет какой-то бедолага, – сообщил он. – Только голос довольно странный. Вроде бы женский, но не знаю, не уверен. Да и мелодия тоже какая-то незнакомая.

Мойр выждал секунду-другую, потом произнес:

– Что ж, еще раз спасибо, служивый. А мы пройдемся еще немного.

Они с водителем отошли на достаточное расстояние, и тогда, откашлявшись, потому что от тумана сильно першило в горле, Мойр поинтересовался:

– Ну а как она выглядела, папаша? Было на что посмотреть?

Водитель выдал ему довольно путаное и невнятное описание своей пассажирки, где единственной зацепкой могли послужить светлые волосы, уложенные в прическу по последней моде. Поразмыслив еще немного, таксист вспомнил туфельки на шпильках. Когда девушка выходила из машины, каблучок одной туфли застрял в щели между двумя планками, и ей пришлось выволакивать обувь.

Мойр внимательно слушал.

– Что ж, спасибо, – сказал он. – А теперь, думаю, надо бы мне пойти и самому осмотреться. А вы возвращайтесь в свой кэб и ждите там. Ждите, поняли меня?

Предложение вызвало новую волну недовольства, но констебль умел настоять на своем, и таксист, хоть и нехотя, вернулся к машине. Мойр проводил его глазами, затем двинулся в сторону стоявшей впереди лебедки, где грузчики встретили его подозрительными и настороженными взглядами, которыми в определенных кругах встречают полицейских. Мойр спросил их, не видели ли они здесь девушку, и повторил описание таксиста. Однако ни один из этих ребят вроде бы не видел.

Он уже развернулся к ним спиной, как вдруг один из парней спросил:

– Что, снова неприятности, мистер коп?

– Я бы так не сказал, – легкомысленно отмахнулся Мойр. Но тут послышался чей-то другой решительный голос:

– Что ж никак не поймаете Цветочного Убийцу, а, начальник?

– Не теряем надежды поймать, дружище, – добродушно ответил Мойр. И отошел с озабоченным видом – ведь он как-никак на службе.

И принялся искать девушку из цветочного магазина. На пристани полно темных уголков. Он медленно двигался вперед, посвечивал фонариком под платформами, за выгруженными тюками, в щели между строениями и горами какого-то груза. И даже направил луч на темную поверхность воды, где его поджидали неприятные, но не имеющие отношения к делу открытия.

Тем временем суета и шум на борту «Мыса Фаруэлл» понемногу стихли. Мойр услышал, как подняли передний трап, поднял голову и увидел отсыревшего и безвольно обвисшего в тумане Синего Питера². Докеры, завершившие погрузку, прошли через ангар, и постепенно голоса их стихли.

Констебль вернулся в проход. В самом дальнем его конце все еще стояло такси. По дороге на пристань они с водителем шли очень быстро, теперь же Мойр передвигался со скоростью улитки и светил фонариком. Он знал, что поверхности строений, затянутые темнотой и туманом, выглядят сплошными стенами, но на самом деле между этими сооружениями имелись проходы, пусть и узенькие. В одном месте от главного прохода открывался еле заметный сейчас проулок, и там царила чернильная тьма.

Было без одной минуты двенадцать, и «Мыс Фаруэлл», готовясь к отплытию, издал протяжный и хриплый гудок, больше напоминающий отрывку какого-то великана. Мойр даже вздрогнул от неожиданности.

Гудок, видимо, спугнул и крысу – она вылетела из какой-то щели и пробежала прямо по его сапогам. Он чертыхнулся, отшатнулся в сторону. Луч фонарика заплясал и вдруг вырвал на миг из черноты проулка туфлю на высоком каблуке и часть ноги. Мойр направил свет туда. Луч медленно прополз по ноге, высветил красноватую полосу в дырке на нейлоновом чулке. Он двигался все дальше и наконец остановился на россыпи искусственных жемчужин и ворохе свежих цветов на груди мертвой девушки.

---

² Синий Питер – флаг отплытия, сигнал о выходе в море.

Глава 2

Посадка

I

Тем же вечером, в семь часов от лондонского вокзала «Юстон» в сторону доков «Ройял-Альберт» отошел омнибус.

В его салоне находилось десять пассажиров, семеро из которых должны были сесть на корабль «Мыс Фаруэлл», который ровно в полночь отплывал в Южную Африку. Из троицы остальных двое были провожатыми, а третий – судовым врачом. Этот молодой человек сидел отдельно от всех и не отрывал глаз от страниц какого-то весьма внушительного на вид фолианта.

Пассажиры корабля, что характерно для всех путешественников, исподволь разглядывали друг друга. Те, которых провожали друзья, переговаривались полупшепотом, строили догадки на тему того, что представляют собой остальные.

– Бог ты мой! – воскликнула миссис Диллингтон-Блик. – Нет, правда? Быть того не может!

Ее подруга состроила гримаску, еле заметным кивком указала на судового врача и выразительно приподняла брови.

– А он очень даже ничего, верно? – прошептала она. – Ты заметила?

Миссис Диллингтон-Блик пожала плечами под пышной накидкой из серебристой лисицы, затем слегка повернула голову и окинула доктора притворно рассеянным взглядом.

– Как-то не разглядела, – призналась она и добавила: – Довольно мил, ты говоришь? Но остальные! Боже ты мой! Представляю. Лучше не думать! И однако же...

– Они офицеры, – робко намекнула подруга.

– Господи!

Глаза их встретились, и обе дамы снова тихонько рассмеялись. Мистер и миссис Кадди, сидевшие впереди, слышали этот смех. Супруги улавливали запах дорогих духов миссис Диллингтон-Блик. Слегка повернув головы, они даже могли разглядеть ее отражение в оконной раме – вся эта картинка походила на фотомонтаж, плывущий на фоне уличных фонарей и темнеющих фасадов зданий. Они видели призрачное отражение ее зубов, перьев на шляпе, сережек, мехов и букета орхидей на внушительном бюсте.

Миссис Кадди, одетая в темно-синее пальтишко, так и окаменела, а ее муж улыбнулся краешками губ. И они тоже обменялись взглядами, предвкушая, сколько нелицеприятных вещей наговорят друг другу об этой дамочке, когда останутся вдвоем в своей каюте.

Перед супругами Кадди в полном одиночестве сидела мисс Кэтрин Эббот, аккуратная и собранная. Она была опытной путешественницей и знала, что первое впечатление о попутчиках обычно бывает неверным. Ей нравился низкий бархатистый смех миссис Диллингтон-Блик, и она ломала голову над тем, где слышала акцент, с которым говорили Кадди. Но больше всего в данный момент она была озабочена своим собственным комфортом; ей не нравилось, когда ее беспокоят, а потому она выбрала место в самой середине салона – чтобы люди поминутно не шастали мимо нее и не раздражали сквозняки, когда будет открываться дверь. Она перебирала в памяти содержимое двух своих безупречно упакованных дорожных сумок. Мисс Эббот любила ездить налегке и ненавидела всю эту сумятицу и неразбериху, которые возникают, когда путешествуешь с большим багажом. За одним небольшим исключением она всегда брала в дорогу лишь самое необходимое. И вот теперь как раз размышляла об этом

исключении – о фотографии в кожаном портмоне. В глазах зашипало, и она тотчас возненавидела себя за это. «Выброшу за борт, как только отплывем, – подумала она. – Будет ей поделом».

Мужчина, сидевший впереди нее, перевернул газетную страницу, и мисс Эббот сквозь слезы прочитала заголовок, набранный крупными буквами: «Убийца устилает свой путь жертвами и цветами. Он до сих пор не пойман». Мисс Эббот была дальнорезка и, слегка подавшись назад, смогла прочесть параграф под этим заголовком.

«Личность убийцы, своего рода сексуального маньяка, который поет, когда убивает, а потом оставляет у тел жертв цветы, до сих пор не установлена. Сыщики опросили сотни свидетелей, но не смогли получить ни одной зацепки. Здесь (слева) публикуется новый пикантный снимок Берилл Коэн, которую нашли задушенной пятнадцатого января. А справа – студийный фотопортрет Маргерит Слэттерс, второй жертвы убийцы. Это преступление по своей жестокости сравнимо разве что с кровавыми деяниями Джека-Потрошителя. Суперинтендант Аллейн (см. сноску) отказывается делать какие-либо заявления, но говорит, что полиции крайне необходима любая информация о местонахождении Берилл в последние часы ее жизни (см. стр. 6, 2-ю колонку)».

Мисс Эббот ждала, когда владелец газеты перевернет страницу, но он все медлил. Она жадно всматривалась в увеличенный снимок Берилл Коэн и на указанную в тексте сноску. На нее мрачно взирало сильно искаженное при перепечатке фото суперинтенданта Аллейна.

Тут вдруг владелец газеты заерзал на сиденье. А потом резко обернулся, заставив мисс Эббот отпрянуть и рассеянно уставиться на багажную полку, где она тут же углядела его чемодан с болтающейся биркой: «Ф. Мэрримен, пассажир, пароход “Мыс Фаруэлл”». У нее возникло малоприятное ощущение, что мистер Мэрримен понял: она заглядывала ему через плечо и читала газету. И тут она не ошиблась.

Мистер Филипп Мэрримен в свои пятьдесят был закоренелым холостяком. Он работал учителем, преподавал английский в одной из наименее привилегированных маленьких средних школ. Внешность его была обманчива, хотя и совпадала с общепринятым мнением о том, как должен выглядеть типичный школьный учитель. Он имел привычку глядеть поверх очков на своих подопечных и ерошить волосы при виде столь удручающе знакомой картины. Стороннему наблюдателю мистер Мэрримен мог показаться эдаким ботаником, осколком прошлого. Но никто никогда бы не догадался, что в душе этого человека порой бушуют бурные страсти.

Он обожал читать о преступлениях, причем не только детективные романы, но и документальные материалы. Покупал «Геральд Трибьюн» и не упускал случая прочесть материалы о Цветочном Убийце – так газетчики называли преступника, личность которого никак не удавалось установить. Мистер Мэрримен осуждал журналистов и придерживался самого низкого мнения о методах работы полиции, однако сама эта история его очень заворожала. Он читал статью неспешно и методично, морщился при виде стилистических погрешностей и был крайне недоволен подглядыванием мисс Эббот. «Мерзкая мошенница! – такое прозвище тут же придумал мистер Мэрримен для этой девушки. – Чума на твой дом! Во имя Всевышнего, ну неужели так трудно было купить себе собственную газету?»

И вот он открыл «Геральд Трибьюн» на странице 6, предварительно надежно укрыв от любопытных глаз мисс Эббот, по возможности быстро прочел две колонки, затем сложил газету, встал и с поклоном протянул ей.

– Мадам, – сказал мистер Мэрримен, – возьмите, пожалуйста. Ибо, несомненно, вы, как и я, предпочитаете именно этот вид литературы.

Лицо мисс Эббот залилось густой краской. И она отозвалась глухо:

– Благодарю вас. Но вечерние газеты меня не интересуют.

– Возможно, вы уже прочли этот номер?

– Нет, – громче ответила мисс Эббот. – Не читала, даже более того – не имею ни малейшего желания. Так что еще раз спасибо.

Отец Чарльз Джордан, брезгливо морщась, пробормотал на ухо своему спутнику, тоже священнику:

– Семена раздора! Вот они, семена раздора! – Священнослужители занимали места напротив, и этот инцидент не укрылся от их внимания.

– От души надеюсь, – проговорил его собрат по вере, – что вы найдете там кого-то близкого вам по духу.

– По моему опыту, таковые всегда находились.

– Да, вы у нас путешественник опытный, – удрученно вздохнул его собеседник.

– Вам очень хотелось занять это место, отец? Вы уж не обижайтесь, просто любопытно.

– Нет, нет, какие тут могут быть обиды. К тому же в Дурбане ответственность у меня небольшая. Отец настоятель, как всегда, сделал очень мудрый выбор.

– А вы, надеюсь, рады, что едете?

Отец Джордан замылся на секунду-другую, затем ответил:

– О да, да, конечно. Я рад, что еду.

– Думаю, там будет интересно. Эта община в Африке...

И далее они принялись обсуждать тонкости англо-католической службы.

Миссис Кадди, невольно подслушавшая их, поморщилась. От этой парочки так и несло католицизмом.

Только одна из пассажирок, ехавших в автобусе, не обращала ни малейшего внимания на своих спутников. Она сидела на переднем сиденье, глубоко засунув руки в карманы пальто из верблюжьей шерсти. На голове у нее красовалась черная шапочка-феска, шея искусно обмотана черным шарфом, талию стягивал широкий черный пояс. Пассажирка была так хороша собой, что ее красоту не смогли испортить даже недавно пролитые слезы. Теперь она не плакала. Сидела, уткнувшись подбородком в шарф, и хмуро смотрела в спину водителю. Звали ее Джемайма Кармишель. Ей было двадцать три года, и она страдала от неразделенной любви.

Автобус поднялся на Лудгейт-Хилл³. Судовой врач Тимоти Мэйкпис оторвался от своего фолианта и всем телом подался вперед в надежде бросить последний прощальный взгляд на собор Святого Павла. Тот величественно возвышался на фоне ночного неба. И Тимоти при виде него испытал ощущение, которое сам бы приписал – и наверняка правильно – к повреждению нервного узла. Однако обыватели почему-то предпочитали называть это замиранием сердца. Должно быть, подумал он, это оттого, что он покидает Лондон. Но затем он вдруг обнаружил, что смотрит не на купол собора святого Петра, а прямо в глаза девушки на переднем сиденье. В этот момент она тоже повернулась и взглянула из окошка автобуса вверх.

Отец Джордан между тем спрашивал:

– Читали вы когда-нибудь эту довольно занимательную вещичку Г. К. Честертона «Шар и крест»?

Джемайма приняла безразличный вид и снова уставилась в спину водителю. Доктор Мэйкпис нехотя вернулся к фолианту. Его наполняло чувство безмерного удивления.

II

Примерно в то же время, когда автобус проезжал мимо собора Святого Петра, от шикарного дома в фешенебельном районе Мэйфэр отъехал не менее шикарный спортивный автомобиль. В нем ехали Обин Дейл, его дражайшая подруга (владелица машины, сидевшая за рулем в норковом манто) и два их лучших друга, разместившихся на заднем сиденье. Все они только что насладились дорогим прощальным обедом и направлялись теперь в доки.

---

³ Холм в Лондоне, гора у ворот в Сити, которую некогда облюбовали римские завоеватели.

– Главное, дорогой, – заметила подруга, – чтобы в каюте не переводились запасы крепкого яблочного сидра. Напьюсь, и тогда это испытание будет перенести куда легче!

– Ну, дорогая, – нежно отозвался мистер Дейл, – ты непременно напьешься в стельку! Обещаю! Я уже обо всем позаботился.

Она сердечно поблагодарила его, и вскоре автомобиль резко свернул на набережную, подрезав такси, водитель которого разразился цветистыми проклятиями. Его пассажир, мистер Дональд Макангус высунулся из окна. Он тоже должен был отплыть на «Мысе Фаруэлл».

Примерно через два с половиной часа от цветочного магазина «Зеленый палец», что находился в Найтсбридж в Ист-Энде, тоже отъехало такси. Его пассажиркой была светловолосая девушка с большой плоской коробкой. В коробке лежал букет, накрытый целлофаном, стебли обвязаны шелковой желтой лентой с бантом, тут же прилагалась и карточка с адресатом: «Миссис Диллингтон-Блик». Такси свернуло к востоку. И оно тоже направлялось в доки «Ройял-Альберт».

III

Едва ступив на борт «Мыса Фаруэлл», миссис Диллингтон-Блик тут же принялась обустройства и осуществлять действия, которые друзья называли между собой ее особой «техникой». Первым делом она обратила внимание на стюарда. На «Мысе Фаруэлл» плыли всего девять пассажиров, и всех их обслуживал только один стюард. Им оказался бледный и чрезвычайно полный молодой человек со светлыми слегка встрепанными волосами, водянистыми глазами, родинкой в уголке рта и сильным акцентом кокни, который почему-то показался знакомым. Наладить с ним отношения для миссис Диллингтон-Блик не составило никакого труда. Она тут же спросила, как его зовут (оказалось – Денис), и выяснила, что именно он обслуживает бар. Она дала ему три фунта и намекнула, что это лишь для начала. Не прошло и нескольких секунд, как миссис Диллингтон-Блик уже знала, что Денису двадцать пять, он играет на губной гармонике и ему страшно не понравились мистер и миссис Кадди. Он был медлительным и прилипчивым молодым человеком, но ей в самой вежливой манере удалось от него отделаться.

– Вы просто чудо! – воскликнула ее подруга.

– Моя дорогая! – воскликнула в ответ миссис Диллингтон-Блик. – Да этот паренек будет ставить мою косметику в прохладном месте, когда мы доберемся до тропиков.

Ее каюта просто утопала в цветах. Денис отправился за вазами, попутно заметив, что орхидеи лучше держать в прохладном месте. Дамы обменялись взглядами. Миссис Диллингтон-Блик принялась отшпиливать карточки от букетов и читать вслух имена дарителей, сопровождая каждое негромким одобрительными возгласом. Казалось, она вмиг заполнила эту каюту с ее скучным и мрачноватым декором – заполнила запахом духов, мехами, цветами и самой собой.

– Стюард! – послышался недовольный оклик из коридора. Денис приподнял брови и вышел.

– Он уже твой раб, – заметила подруга. – Нет, честно!

– Просто я люблю комфорт, – сказала миссис Диллингтон-Блик.

Звал Дениса мистер Мэрримен. Опытный стюард всегда может отличить пассажира легкомысленного и вздорного от солидного человека. Но мистер Мэрримен успел понравиться Денису. Его очки, взъерошенные волосы и херувимское личико говорили ему, что это человек рассеянный, щедрый и доброжелательный, к тому же еще и застенчивый. И он был горько разочарован, когда, явившись на зов мистера Мэрримена, вдруг увидел, что тот пребывает в ужасе и негодовании. Похоже, что его ничего не устраивало в каюте. Мистер Мэрримен просил помещение на левом борту, а оказалось, что оно на правом. Багаж доставили в жутком состо-

янии, и еще он хотел, чтобы койку его застелили должным образом, как кровать дома, а не устраивали из нее какой-то, как он выразился, дурацкий лабиринт.

Денис выслушал все эти претензии с невозмутимым видом, даже не поднимая глаз.

– Это всего лишь стечение обстоятельств, – заметил он, когда мистер Мэрримен наконец умолк. – Что ж, посмотрим, что мы можем для вас сделать. – Он добавил слово «сэр», но опять же не в той манере, как было принято в средней школе, где работал мистер Мэрримен.

Мистер Мэрримен откашлялся и заявил:

– Вы выполните все мои пожелания немедленно. Я на прогулку, ненадолго. И когда вернусь, чтобы все было исполнено. – Денис разинул рот. Мистер Мэрримен добавил: – Вот таким образом. – А затем демонстративно запер верхний ящик туалетного столика и вышел из каюты.

– Готов поклясться, – растерянно пробормотал Денис, – этот тип – настоящее шило в заднице. Мы еще хлебнем с ним горя.

Собрать по вере отца Джордана помог ему разложить скромные пожитки в каюте. Закончив с этим, священники посмотрели друг на друга с несколько неуверенным и озабоченным видом людей, которым предстоит скорое расставание.

– Что ж, – заговорили они одновременно, и отец Джордан продолжил: – Очень мило, что вы проводили меня, проделали весь этот путь. Я был рад вашей компании.

– Вы? – восхищенно заметил коллега. – Думаю, нет нужды говорить, какую радость вы доставили мне. – Он убрал руки под сутану и скромно стоял перед отцом Джорданом. – Автобус отходит в одиннадцать, – добавил он. – Вы, наверное, хотели бы обустроиться и передохнуть.

Отец Джордан улыбнулся и спросил:

– Что-нибудь желаете сказать мне на прощанье?

– Ничего такого, что соответствовало бы случаю. Просто я... ну, вдруг понял, как это много значит для меня – иметь перед глазами пример столь доблестного служения. Такой, как вы...

– Человек мой дорогой!

– Нет, правда! Вы поразили меня, отец, столь глубоким и ревностным служением Господу нашему и Его церкви. Да будет вам известно, все наши братья просто восхищаются вами! И еще, думаю, все мы знаем о вас гораздо меньше, чем друг о друге. Тут на днях отец Бернар сказал, что, хотя наш орден не связан обетом молчания, вы всегда будете придерживаться своего правила молчания духовного.

– Не уверен, что столь уж восхищен этим афоризмом отца Бернара.

– Вот как? Но он имел в виду только хорошее. Нет, правда. Вот я, к примеру, слишком много болтаю. Надеюсь, что в самом скором времени возьму себя в руки и перестану. Прощайте, отец. Да благословит вас Господь!

– И вас тоже, мой дорогой. Пойду провожу вас до автобуса.

– О нет, пожалуйста...

– Мне будет приятно.

Они прошли на нижнюю палубу. Отец Джордан перемолвился словечком с матросом, дежурившим у трапа, и оба священника сошли на берег. Моряк наблюдал за тем, как они идут по причалу к зданию морского вокзала, туда, где находилась автобусная остановка. В своих черных сутанах и шляпах они походили на привидения. Вскоре туман поглотил их. А примерно через полчаса отец Джордан вернулся уже один. Было пятнадцать минут двенадцатого.

Каюта мисс Эббот находилась ровно напротив каюты миссис Диллингтон-Блик. Ее владелица быстро и аккуратно распаковала свои сумки, бережно, точно некие церемониальные одеяния, разместила сложенные предметы туалета в шкафчике. Все наряды отличались строгостью. На дне второй сумки лежала пачка нот. В кармане жакета – фотография. То был снимок

женщины примерно того же возраста, что и мисс Эббот, довольно хорошенькой, но с грустным разочарованным взглядом. Мисс Эббот смотрела на снимок, пытаясь побороть чувство отчаяния и отвращения, затем уселась на койку, зажав крупные ладони между коленями. Шло время. Судно слегка покачивалось у причала. Мисс Эббот услышала громкий бархатистый смех миссис Диллингтон-Блик, и ей немного полегчало. Прибывали новые пассажиры, слышались шаги над головой и какая-то возня и крики на причале. Откуда-то из дальнего конца пассажирского отсека доносился звучный и властный мужской голос, показавшийся знакомым. Вскоре мисс Эббот поняла, почему. Дверь в каюту напротив приоткрылась, в коридор вышла подруга миссис Диллингтон-Блик, и стало хорошо слышно, о чем говорят эти две дамы. Миссис Диллингтон-Блик стояла в дверном проеме и говорила сквозь смех:

– Что ж, тогда иди, ступай, если можешь.

Подруга зашагала по коридору. Но очень скоро вернулась и возбужденно воскликнула:

– Так оно и есть, дорогая! Он ее сбрил! Стюард мне сказал. Надо же, Обин Дейл, вон что учудил! Дорогая, но это же просто сенсация! Тебе повезло!

Тут раздался новый взрыв смеха, затем миссис Диллингтон-Блик заметила, что ждет не дождется, когда они попадут в тропики и она сможет надеть новый купальник от Джолиона. А потом дверь в каюту захлопнулась, и их голоса стихли.

– Идиотки, – пробормотала сквозь зубы мисс Эббот. Сама она была совершенно безразлична к телевизионным знаменитостям. А затем она принялась размышлять над тем, стоит ли выбрасывать фотографию за борт, как только они выйдут в открытое море. Может, лучше порвать ее на мелкие кусочки прямо сейчас и бросить в корзину для мусора? Или же выбросить в гавани? Но как одинока будет она тогда! Мисс Эббот забарабанила пальцами с крупными костяшками по худым коленкам, и тут в голову пришла другая мысль: что, если ей самой броситься за борт прямо в гавани? Вода наверняка жутко холодная и грязная, там плавают разные отбросы – отвратительно!

– О боже! – пробормотала мисс Эббот. – Все же я чертовски несчастное существо!

Тут к ней в каюту постучался Денис.

– Вам телеграмма, мисс Эббот, – пропел он.

– Телеграмма? Мне? Неужели?

Он открыл дверь и вошел.

Мисс Эббот взяла телеграмму и вскрыла ее дрожащими руками.

«Дорогая Эбби я в отчаянии пожалуйста напиши или если еще не поздно позвони. Ф.»

Денис топтался у порога. Мисс Эббот спросила дрожащим голосом:

– Еще не поздно отправить ответ?

– Ну... да. То есть я хотел сказать...

– Или позвонить? Могу я позвонить?

– Да, на борту есть телефон, но я только что проходил мимо и видел, возле него выстроилась целая очередь.

– А сколько осталось до отплытия?

– Около часа, но телефон отключают раньше.

– Но это крайне важно, – в отчаянии протянула мисс Эббот. – И очень срочно.

– Сожалею.

– Погодите. Я вроде бы видела будку телефона-автомата в доках? Ну, неподалеку от автобусной остановки?

– Да, верно, – весело подхватил Денис. – Вы очень наблюдательны.

– Тогда я еще успею сбежать туда и позвонить, правильно?

– Времени у вас полно, мисс Эббот. Просто уйма времени.

– Тогда я сбегаю. Прямо сейчас.

– Но в обеденном зале подают кофе и сэндвичи.

– Я не хочу. Лучше сбегаю позвонить.

– На улице холодно. Жуткий колотун. Надо бы накинуть пальто, мисс Эббот.

– Это не важно. Впрочем, ладно. Спасибо вам.

Она выдернула из шкафа пальто, схватила сумочку и выбежала из каюты.

– Сперва прямо, по прогулочной палубе, потом свернете направо, – крикнул он ей вслед и добавил: – Смотрите не заблудитесь в тумане.

Мисс Эббот так странно себя вела, так разволновалась, что вызвала у Дениса любопытство. Он вышел на палубу и увидел, как она бежит по причалу прямо в туман. «Бегает прямо как парень, – подумал Денис. – Разные люди встречаются на белом свете».

Мистер и миссис Кадди разместились каждый на своей койке и смотрели друг на друга. В глазах их танцевали шутливые искорки – это выражение они обычно приберегали для самых интимных случаев. Вентиляторы в переборке вдували в каюту горячий воздух, иллюминатор был задраен, багаж разложен надлежащим образом, и супруги Кадди расслабились.

– Ну, пока что все нормально, – с важным видом заметила миссис Кадди.

– Ты довольна, дорогая?

– Грех жаловаться. Вроде бы тут чисто.

– К тому же собственный душ и туалет, – он кивнул на узенькую дверцу.

– Есть в каждой каюте, – согласилась она. – Делить с кем-то туалет – нет уж, увольте.

– Ну а как тебе показалась компания? Есть довольно занятные типы.

– Особенно эти римско-католические священники.

– Нет, плывет только один. Второй его просто провожал. Так ты считаешь, они из римско-католической церкви?

– Похоже на то, верно?

Мистер Кадди улыбнулся. Улыбка у него была странноватая – очень широкая и всезнающая.

– На мой взгляд, чисто клоуны, да и только.

– Вообще-то мы плывем с представителями высшего общества, – сказала миссис Кадди. – Ты заметил эти меха?

– А духи? Тьфу!

– Придется мне не спускать с тебя глаз, а то еще влюбишься.

– Слышала, о чем они говорили?

– Ну, не все, – созналась миссис Кадди. – Вроде бы говор у нее как у леди, а вот мысли не столь благородны.

– Серьезно?

– Типичная охотница за мужчинами.

Мистер Кадди заулыбался уже во весь рот.

– А ты заметила цветы? – спросил он. – Это орхидеи. По фунту и восемьдесят пенсов каждый цветок!

– Да ладно!

– Точно тебе говорю. Это факт. Вообще-то очень красивые, – добавил мистер Кадди с какими-то странными нотками в голосе.

– А ты видел, что произошло с той другой дамочкой, которая заглядывала через плечо пожилого типа и читала его газету? Ну, в автобусе?

– Делать мне больше нечего! Плевать я хотел.

– Он читал обо всех этих преступлениях. Ну, ты знаешь. Цветочный Убийца. Тот разбрасывает цветы на груди своей жертвы. И поет.

– До или после?

– После. Ну, скажи, разве это не ужасно? – восторженно воскликнула миссис Кадди.

Мистер Кадди что-то неразборчиво буркнул в ответ.

Супруга его не унималась:

– Стоит только подумать, прямо мороз по коже. Интересно, с чего это он спятил?

– Женщины.

– Ну, конечно, правильно. Вали все на женщин, – добродушно заметила она. – Как все остальные мужчины.

– Ну а ты сама подумай. Что писали в той газете?

– Я толком не разглядела, но думаю, ты прав. Все только об этом говорят и пишут. И его, разумеется, еще не поймали.

– Жаль, что у нас нет той газеты. Как это я забыл купить?

– Может, найдется хотя бы одна в комнате отдыха.

– Как же, надейся!

– А тот старик оставил свою в автобусе. Я заметила.

– Вот как? А знаешь, – добавил мистер Кадди, – я просто обожаю вечерние газеты. Может, стоит сбегать и посмотреть, на месте ли она? Ведь автобус отходит только в одиннадцать. Нет, правда, сбегая.

– Только смотри, недолго. Ты же знаешь, как я буду нервничать. Если опоздаешь на паром...

– Но, дорогая, мы отплываем в полночь, а сейчас всего десять минут двенадцатого. Я мигом, туда и обратно. И потом подумай: ты же можешь отправиться в плавание со всеми этими бравыми морячками!

– Но я хочу с тобой.

– И оглянуться не успеешь, как я вернусь.

– Понимаю, как это глупо, – пробормотала миссис Кадди, – но всякий раз, когда ты уходишь, пусть даже в комнату для отдыха, я начинаю жутко нервничать.

– Глупышка моя. Я бы и тебя взял с собой, но думаю, что не стоит. К тому же там внизу уже подают кофе.

– Скорее кофейную эссенцию.

– Что ж, выясним, когда я вернусь. Веди себя хорошо, девочка.

Мистер Кадди нахлобучил на голову фетровую шляпу серо-стального цвета, надел дождевик с поясом, стал похож на частного детектива – по крайней мере, именно таким представляют этот персонаж режиссеры многих фильмов – и отправился на берег.

Миссис Кадди осталась в каюте. Сидела, нервно выпрямившись, на койке и ждала мужа.

Подруга мистера Обина Дейла посмотрела в иллюминатор и пробормотала заплетающимся языком:

– Дорогой, там все кипит и бурлит, прямо как суп гороховый варится. Думаю, нам пора сматываться.

– Ты собираешься сесть за руль, дорогая?

– Естественно.

– Но ты в порядке? Сможешь вести?

– Милый, я всегда в полном порядке, когда напьюсь, – сообщила она. – Это придает какое-то особое умение, которого так не хватает другим водителям.

– Нет, это просто ужасно.

– Я докажу, что у меня все под контролем, предлагаю уехать отсюда, пока этот чертов туман окончательно все не поглотит. О, дорогой! Боюсь, я сейчас разрыдаюсь. Где мой носовой платок?

Она открыла сумочку. Из нее, точно развернутая пружина, вылетела игрушечная змея, тайно помещенная туда любовником, который питал пристрастие к подобного рода шуточкам.

Эта выходка внесла некоторое разнообразие в рутинную церемонию прощания – вышла небольшая заминка. Но затем провожающие пришли к выводу, что им действительно пора.

– Особенно после того, – заметил друг Дейла, – как мы прикончили последнюю бутылку. Прости, старина. Я сегодня не в форме. И стоящего шоу не получилось.

– Перестань, – сказала его подруга. – Все было очень здорово, просто потрясюще! Дорогой Оби! Нам действительно пора.

Они начали выходить из каюты, но тут Обин Дейл заявил, что проводит их до машины.

И вот они всей компанией сошли на берег, громко переговариваясь хорошо поставленными голосами, а туман тем временем еще больше сгустился.

Было пять минут двенадцатого. Автобус уже отъехал, одинокое такси стояло на том же месте. Их машина была припаркована в дальнем конце причала. Они столпились вокруг нее и поболтали еще несколько минут. Все друзья в один голос твердили Дейлу о том, что путешествие принесет ему огромную пользу, что он прекрасно выглядит без своей знаменитой бороды и его будет страшно не хватать в программе. И вот наконец они отъехали, дав на прощанье несколько гудков клаксоном.

Обин Дейл помахал им, затем сунул руки в карманы пальто из верблюжьей шерсти и зашагал обратно к пароходу. Насыщенный влагой ветерок шевелил его волосы, мимо проплывали клочья тумана. Он думал о том, как фотогенично выглядит сейчас этот причал. Дымовые трубы нескольких кораблей были освещены снизу, остальные их части обрели дрожащие неверные очертания, расплываясь в тех местах, где тень граничит со светом. Фонари, точно луны, зависли в молочной пелене тумана. Отовсюду доносились невнятные звуки и множество незнакомых запахов. Дейл вообразил, что находится сейчас на съемках своей программы, и принялся подбирать соответствующие случаю фразы. Да, он бы очень неплохо смотрелся, хотя бы на фоне этого темного прохода – так ему показалось. Он провел ладонью по бритому подбородку и зябко передернулся. Нет, надо взять себя в руки. Вся эта идея с путешествием возникла из необходимости хотя бы немного отвлечься от работы. Надо постараться даже не думать о ней или о чем-то другом, не менее огорчительном. К примеру, о своей подруге, как бы она ни была мила и прелестна. И тут же все его мысли целиком переключились на нее. Надо было подарить ей что-нибудь на прощанье. Цветы? О нет, нет. Никаких цветов. Они вызывают самые неприятные ассоциации. Его бросило в жар, потом в холод. Дейл сжал кулаки и вошел в темный проход.

Примерно минуты через две на причал прибыл последний пассажир парохода «Мыс Фаруэлл». Это был мистер Дональд Макангус, пожилой холостяк, страдавший сильными приступами водобоязни. Туман на набережной сгустился еще больше. В Сити обстановка на дорогах была просто жуткой. Несколько раз его такси подолгу стояло в пробках, дважды водителю приходилось сворачивать с курса в объезд. И когда мистера Макангуса уже просто затошнило от волнения, водитель вдруг заявил, что дальше не поедет. Он указал на какие-то смутные, еле видимые очертания крыш и стен и еле мерцающий за ними свет. И сказал, что именно там и находится пароход мистера Макангуса. Он просто должен идти на этот свет и – непременно выйдет к пароходу. Это заявление привело к отчаянным спорам об оплате и особенно о чаевых: поначалу мистер Макангус недодал чаевых, затем, пребывая в крайне нервном состоянии, переплатил. Водитель смотрел на него жалостливо. Затем всучил фибровый чемодан владельцу – тот ухватил его за ручку, – сунул картонную коробку и пакет в коричневой бумаге ему подмышку. И вот нагруженный таким образом мистер Макангус затрусил вперед и исчез в туманной пелене, а такси вернулось в лондонский Ист-Энд.

Было уже половина двенадцатого. Таксист, который подвозил девушку из цветочного магазина, по-прежнему надеялся получить оплату, а констебль полиции Мойр пытался раз-

влечь его разговором. Последний трап подняли, «Мыс Фаруэлл» был готов к отплытию, и капитан корабля Баннерман ждал своего лоцмана.

Без одной минуты двенадцать завывла сирена.

В этот момент констебль позвонил из автомата в полицию. Его соединили с криминальным отделом Скотленд-Ярда.

– Тут еще одно обстоятельство, сэр, – заговорил он в трубку. – Помимо цветов. В правой руке у нее был зажат клочок бумаги. Похож на фрагмент посадочного талона, такие раздают пассажирам. Талон для посадки на «Мыс Фаруэлл».

Мойр выслушал ответ, затем обернулся, взглянул поверх еле заметных крыш на огромную красную с белой полосой дымовую трубу. Она удалялась и вскоре исчезла в тумане.

– Боюсь, что уже не смогу сесть на пароход, сэр, – сказал он. – «Мыс Фаруэлл» только что отчалил.

Глава 3

Отплытие

I

Всю ночь через двухминутные интервалы на «Мысе Фаруэлл» включали сирену. Пассажиры, улегшиеся спать, время от времени слышали этот звук, и во сне им казалось, что какой-то монстр трубит в гигантскую трубу. Те же, кому заснуть не удалось, прислушивались к этому вою с тревогой и плохими предчувствиями. Обин Дейл, к примеру, пытался подсчитать секунды между гудками – иногда у него выходило сто тридцать, иногда эта цифра снижалась до ста пятнадцати. Затем он постарался определить свой пульс, но разнервничался. Ему показалось, что сердце колотится как-то слишком уж часто. Дейл принялся думать о вещах, о которых лучше вовсе не думать, в том числе и о худшей из всех: о своем ужасном провале на летней ярмарке в Мелтон Медбери. Именно поэтому его психиатр посоветовал отправиться в путешествие, чтобы все поскорее забыть. Он уже принял на ночь одну таблетку снотворного. В два часа ночи принял вторую, и это подействовало.

Мистер Кадди тоже бодрствовал. Он нашел газету мистера Мэрримена, которую тот оставил в автобусе. Газета была сложена кое-как и вся растрепалась, но, улегшись в постель, Кадди прочел ее самым внимательным образом, особенно ту статью, где говорилось о Цветочном Убийце. Поначалу он читал вслух, чтобы как-то развлечь миссис Кадди, но вскоре ее громкий храп возвестил о том, что эти его старания бессмысленны. Он выпустил газету из рук и стал прислушиваться к сирене. Потом принялся гадать: станут ли проявлять его со товарищи по путешествию снобистское отношение к нему и миссис Кадди. Вспомнил об орхидеях миссис Диллингтон-Блик, которые колыхались на ее пышной груди, и постепенно погрузился в беспокойный сон.

А вот мистер Мэрримен, в отличие от других, сразу заснул крепким сном. И если ему и снились знакомый стюард или незамужняя старая дева, видения эти остались в самой глубине сознания, и вспомнить их потом будет невозможно. Подобно многим другим людям взрывного темперамента, он компенсировал эту особенность глубоким и сладким сном.

Впрочем, примерно так же поступил и отец Джордан. Помолившись, улегся в постель, и, поворочавшись немного на довольно жестком матрасе, впал в мирное забвение, которое длилось до утра.

Мистеру Дональду Макангусу понадобилось не так уж много времени, чтобы отойти от обстоятельств, из-за которых он едва не опоздал на пароход. Тем не менее Макангус успел выпить кофе и съесть сандвич в обеденном зале, где он с нескрываемым любопытством и даже настороженностью разглядывал спутников по плаванию. Нет, по натуре своей Дональд Макангус не был человеком злобным или подозрительным, просто обладал любознательностью, свойственной выходцам из Средней Шотландии. Он собирал факты о людях, как не слишком разборчивый филателист собирает марки для своей коллекции – просто покупает те, которые ему глянутся. Он оказался за одним столом с супругами Кадди – пассажиров еще не прикрепили к определенным местам – и вскоре выяснил, что живут Кадди в Далвиче и мистер Кадди занят в каком-то бизнесе. Но что именно это за бизнес – мистеру Макангусу оставалось только гадать. Он поведал своим соседям о приключениях с такси. Но затем, остановленный холодным и неподвижным взглядом миссис Кадди, завязал со всеми расспросами и совершенно неудовлетворенный вернулся в свою каюту.

Там он улегся в постель, переодевшись в веселенькую ярко-красную пижаму. И какое-то время просто лежал, погруженный в несвязные и пустяшные мысли, пока они плавно не перешли в сновидения. Завывание сирены его ничуть не беспокоило.

Позвонив из телефона-автомата, мисс Эббот брела по пристани, почти не обращая внимания на туман, и глаза ее отливали лучезарным блеском. Матрос у трапа заметил, а позже и припомнил, что она с трудом подавляла возбуждение. Мисс Эббот улеглась в постель и все еще не спала, когда пароход отчалил. Она наблюдала, как пробегают за иллюминатором расплывчатые огоньки, ощущала неспешный рокот двигателей. И заснула только после часа ночи.

Джемайма Кармишель почти не обращала внимания на своих спутников – все силы и волю тратила на то, чтобы подавить закипающие на глазах слезы. Она сердито твердила себе, что плач – это произвольный физический процесс, полностью контролируемый и в ее случае совершенно неоправданный. Убеждала себя, что у многих людей помолвка срывается в самую последнюю минуту и что от этого еще никто не умирал. Мало того, у большинства этих людей, в отличие от нее, нет такой возможности – резко оборвать все связи и отправиться в Южную Африку.

Не надо было заглядываться на собор Святого Павла. Это ошибка. Красота и величие сооружения всегда оказывали на нее сильнейшее эмоциональное воздействие; от ее внимания не укрылось, что молодой человек, сидевший напротив в автобусе, заглядывает ей в глаза и, судя по всему, испытывает к ней жалость. С того момента поездка в автобусе казалась почти невыносимой, она немного успокоилась, только когда пришлось идти по пристани сквозь туман на посадку. Даже забавно, что ее отъезд происходит в столь мрачной обстановке. Джемайма видела мелькающие перед ней туфельки миссис Диллингтон-Блик из лакированной кожи и на высоких каблуках, слышала обрывки разговора супругов Кадди. Она также чувствовала, что тот самый молодой человек идет прямо следом за ней. Когда они вышли из прохода на пристань, он вдруг сказал:

– Позвольте я поднесу ваш чемодан, – и взял поклажу из ее руки перед тем, как она успела возразить. – Весь мой багаж уже на борту, – добавил он. – И идти с пустыми руками мне как-то неловко. Вы не против? Не возненавидите меня за это?

– Нет, – несколько удивленная такой постановкой вопроса, пробормотала в ответ Джемайма. – В данный момент не возражаю.

– Возможно, это послужит для вас приятной переменной.

– Ничего подобного, – быстро выпалила она.

– Наверное, все же женщины по природе своей более зажатые существа. А тщеславие, как вы можете подумать, больше в природе мужчин. И окажетесь правы. Кстати, известно ли вам, что среди пассажиров сам Обин Дейл?

– Вот как? – без особого интереса откликнулась Джемайма. – Ему для путешествия больше подошел бы роскошный круизный лайнер и организованное веселье по вечерам.

– Насколько я понял, его отправили подлечиться. Устал от всех этих камер, суеты. Однако готов поспорить: очень скоро он заскучает без огней ramпы. Кстати, я судовой врач, и это мое первое долгое путешествие. Позвольте представиться, Тимоти Мэйкпис. А вы или мисс Кэтрин Эббот, или же мисс Джемайма Кармишель. Я от души надеюсь, что последнее.

– И будете страшно разочарованы, если это не так? – спросила Джемайма.

– Да я все поставил на эту карту. И, как догадываюсь, оказался прав. Это ваше первое большое путешествие?

– Да.

– Однако, смотрю, вы не слишком этому рады, как можно было бы ожидать. А вот и корабль, прямо нависает над нами. Приятно думать, что мы встретимся снова. А номер каюты у вас какой? Я не собираюсь вам докучать, просто отнесу туда чемодан и все.

– Номер четыре. И большое вам спасибо.

– Не за что, – вежливо отозвался доктор Мэйкпис. Он проводил ее до каюты, внес чемодан, отвесил довольно сдержанный поклон и удалился.

Джемайма вяло подумала: «Странно, но почему-то не верится, что этот молодой человек ломал тут комедию». И тут же постаралась выбросить его из головы.

А затем вспомнила обо всех своих неприятностях и снова пала духом. Она уговорила своих родителей и друзей не приходить к пароходу и не провожать ее в плавание и распрощалась с ними уже довольно давно. И теперь чувствовала себя страшно одинокой.

Каюта показалась ей какой-то безликой. Джемайма слышала голоса и гулкие звуки шагов по палубе над головой. Она ощущала специфический запах корабля, немного отдающий резиной. Как выдержит она здесь целых пять недель в обществе дамы на тонких каблучках-шпильках, этой парочки с голосами из Клапхэм-Коммон⁴ и страшно непривлекательной старой девы? Она взялась распаковывать багаж. Заглянул Денис, он показался ей жутко противным типом. Впрочем Джемайма сразу укорила себя в предвзятости и недоброжелательности к людям. И почти тотчас же нашла в рундучке каюты пакет из дорогого магазина, где находилось очень красивое платье и была приложена записка от мамы. Обнаружив этот подарок, она уселась на койку и расплакалась, как маленькая девочка.

Ей понадобилось время, чтобы успокоиться и закончить раскладывать вещи. Она вдруг почувствовала, что страшно устала, и решила отдохнуть.

Джемайма лежала в постели, прислушивалась к звукам, доносившимся из корабля и с пристани. Постепенно она начала осваиваться в каюте, и к ощущению чужеродности вдруг стало примешиваться чувство радостного предвкушения. В голове звучал приятный мужской голос – «смотрю, вы не слишком этому рады, как можно было бы ожидать». А потом вдруг она провалилась в сон, столь крепкий, что не слышала, как отплыл пароход, и лишь уголком сознания улавливала протяжное завывание сирены с интервалом в две минуты на протяжении всей ночи.

К половине первого все пассажиры уже были в кроватях, даже миссис Диллингтон-Блик, которая, перед тем как лечь, очень долго и тщательно ухаживала за лицом с помощью новомодных и дорогих косметических средств.

Дежурные офицеры сделали обход и тоже разошлись по своим каютам. И «Мыс Фаруэлл», очень медленно плывущий в тумане, вышел из эстуария Темзы с убийцей на борту.

II

Капитан Джаспер Баннерман стоял на мостике рядом с лоцманом. Ему предстояло бодрствовать всю ночь. Профессия их была одной из древнейших в мире, и хотя теперь у них имелись радар и беспроводная связь, опасения моряков, вглядывавшихся в непроницаемую полосу тумана, были такими же, как и у их далеких предшественников. Предупреждающие сигналы последовательно поступали из пунктов, названия которых они знали наизусть – Доггер, Дандженесс, Внешние Гебридские острова, гавань Скапа-Флоу, маяк Портланд-Билл, отмель Гудвина.

– А она умница, эта твоя машина, – заметил лоцман, всматриваясь в туман. – Отличная работа! Пока справляемся как надо.

---

⁴ Клапхэм-Коммон – городской парк на южной окраине Лондона.

Голоса других, невидимых в тумане кораблей, такие одинокие и заунывные, доносились с разного расстояния. Время тянулось очень медленно.

В половине третьего на мостик заглянул радист, принес две радиограммы.

– Подумал, лучше доставлю сам, сэр, – сказал он, обращаясь к капитану. – Они зашифрованы. И еще указано «Срочно».

– Хорошо, – кивнул капитан Баннерман. – А ты пока жди здесь. – И он удалился в свою каюту. Там достал книгу кодов и расшифровал послания. Возился он довольно долго, а затем позвал:

– Спаркс!

Радист вошел в капитанскую каюту, зажав подмышкой фуражку, затворил за собой дверь.

– Только этого нам сейчас, черт возьми, и не хватало, – проворчал капитан Баннерман. Радист терпеливо ждал, стараясь ничем не выказывать любопытства. Капитан Баннерман подошел к иллюминатору правого борта и молча перечитал обе расшифрованные радиограммы. Первая была от исполнительного директора компании «Кейп Лайн»:

«Совершенно секретно. Дирекция просит вас соблюдая конфиденциальность оказать всяческое содействие суперинтенданту Аллейну точка его доставят на катере в Портсмут точка там он поднимется к вам на борт точка будет путешествовать в качестве пассажира точка просьба предоставить отдельную каюту точка просьба держать лично меня в курсе всех событий точка компания полагается на вашу осторожность и благоразумие точка Камерон точка конец сообщения».

Капитан Баннерман недовольно фыркнул и прочитал второе сообщение.

«Срочно и строго конфиденциально точка суперинтендант Аллейн сядет на борт вашего корабля в Портсмуте куда его доставят на катере точка он лично объяснит в чем проблема точка наш департамент поддерживает связь с вашей компанией точка отправил С. А. Мэйджорибэнкс помощник комиссара криминального департамента Скотленд-Ярда точка конец сообщения»

– Я написал два ответа, – сказал капитан Баннерман, – строго взирая на своего подчиненного. – Одинаковые, для обоих адресатов! «Инструкции получены и приняты к сведению точка Баннерман». – И сделай мне такое одолжение, Спаркс, держи язык за зубами.

– Само собой, сэр.

– Чтобы ни одна живая душа!

– Слушаюсь, сэр.

– Вот и молодец.

– Спасибо, сэр.

Радист развернулся и вышел. Потрясенный капитан Баннерман пребывал в трансе с полминуты, затем вернулся на мостик.

На протяжении всей остальной ночи он занимался своими прямыми обязанностями: вел судно в самом густом за последние десять лет тумане, что требовало самого напряженного внимания и недюжинной выучки. И одновременно уже на другом, почти подсознательном уровне размышлял о своих пассажирах. Баннерман наблюдал за посадкой с капитанского мостика и видел их всех. И, подобно каждому мужчине, бросившего хотя бы беглый взгляд на миссис Диллингтон-Блик, составил самое благоприятное впечатление об этой даме. Шикарная женщина. Он также отметил и Джемайму Кармишель – она попадала у него под определение «очаровательная молодая девушка», – и капитан опасался, что по мере приближения к тропикам она будет пользоваться все большим вниманием морских офицеров. Еще на одном, тоже подсознательном уровне он размышлял о двух встревоживших его радиограммах. Какого собственно черта, думал Баннерман, он должен принимать на борт так спонтанно некоего детектива в штатском? Он перебирал в уме возможные причины. Безбилетный пассажир? Беглый преступник? А может, кто-то из членов его команды в розыске? А что, если этот полицейский в последнюю минуту получил назначение в Лас-Пальмас? Но почему тогда он не полетел туда

самолетом? А тут еще предстоят эти чертовы хлопоты по его устройству. Если разместить нового пассажира в каюте для офицерского состава, все тотчас сообразят – здесь что-то не так. В четыре часа утра – самое тяжелое время вахты, когда на исходе все жизненные силы, – капитана Баннермана вдруг посетило неприятное предчувствие: предстоящее плавание сложится не самым лучшим образом.

III

Наутро туман все еще висел над Английским каналом. Выйдя из Портсмута, пароход «Мыс Фаруэлл» словно погрузился в небытие.

Пятеро мужчин вышли на палубу с приподнятыми воротниками. Что касалось господ Мэрримена, Макангуса, Кадди и отца Джордана, на всех красовались какие-то невообразимого вида головные уборы, и они расхаживали взад-вперед по шлюпочной палубе или же с безутешным видом сидели на скамьях, на которые, возможно, не присядет до конца путешествия ни один человек. После завтрака мистер Обин Дейл вернулся к себе в каюту. Помимо спальни, у него там была еще и небольшая гостиная. В компании такие каюты называли «люкс». Он пригласил миссис Диллингтон-Блик и доктора Тимоти присоединиться к нему и выпить перед ленчем. В одиннадцать утра миссис Диллингтон-Блик появилась на палубе во всем своем великолепии. Не прошло и получаса, как она приняла это приглашение. Доктор Мэйкпис тоже пришел – в надежде, что там будет и Джемайма Кармишель. Но девушка провела все утро, разгуливая по шлюпочной палубе, потом нашла продуваемый всеми ветрами, но укромный уголок под средней надстройкой, сидела там и читала.

Мистер Макангус тоже вышел на палубу, но ненадолго, вскоре вернулся в салон для пассажиров, где, скептически осмотрев книжные полки, уселся в уголок и уснул прямо в кресле. Миссис Кадди также оказалась там и тоже вздремнула. Она слушала малоутешительный прогноз погоды – там предсказывали шторм – и решила принять успокоительное. Мисс Эббот расхаживала по узкой нижней палубе, возможно, чисто инстинктивно выбрав ту часть парохода, куда по утрам почти никто не заглядывает. На плане, который показывали пассажирам, это место называлось «палубой для променада».

Именно Джемайма первой заметила перемену погоды. Тоненький теплый луч упал на страницу книги; она подняла голову и увидела, что пелена тумана поредела и что через нее пробивается слабый солнечный свет. В тот же момент «Мыс Фаруэлл» издал протяжный гудок, а затем Джемайма услышала рокот мотора. Она поднялась, подошла к борту, посмотрела вниз и увидела, что к пароходу подошел катер. Вот он поравнялся со сброшенным сверху веревочным трапом. Высокий мужчина, задрав голову, смотрел с катера на «Фаруэлл». Джемайма всегда весьма критично относилась к мужской одежде, но одобрительно, хоть и рассеянно, кивнула, заметив, как одет этот господин. Матрос у борта сбросил в катер линь, теперь оба судна, большое и маленькое, стояли бок о бок. Катер начал отчаливать, а высокий господин принялся очень ловко карабкаться вверх по веревочному трапу и взошел на борт, где его встретил дежурный офицер и повел прямо на капитанский мостик.

На своем пути он прошел мимо мистера Мэрримена и мистера Кадди. Те оторвались от детективных романов, которые читали, воззрились на пришельца, и обоих посетила одна и та же мысль, тотчас, впрочем, отвергнутая, – что они где-то видели прежде этого человека. Хотя на самом деле они не ошиблись: буквально накануне вечером оба смотрели на сильно искаженный снимок в вечернем выпуске «Геральд Трибьюн». Это был суперинтендант полиции Р. Аллейн.

IV

Капитан Баннерман, сунув руки в карманы кителя, рассматривал своего нового пассажира. С самого начала Аллейн не понравился капитану Баннерману – он не соответствовал его представлениям о детективе в штатском. Мало того, заговорив с ним, капитан, будучи по натуре своей снобом, отметил чертовски вульгарный, по его понятиям, акцент, совершенно не подходящий полицейскому столь высокого ранга. Самому ему с немалым трудом удавалось сохранять мидлендский⁵ акцент.

– Что ж, – протянул он. – Суперинтендант Аллейн, не так ли? Раз уж вы здесь, то, полагаю, должны пояснить, из-за чего весь этот сыр-бор. Буду весьма признателен за информацию.

– А я полагаю, сэр, – сказал Аллейн, – вы до сих пор проклинаете тот день и час, когда получили эти радиogramмы.

– Ну, проклинаю – это слишком сильно сказано.

– Я прекрасно понимаю, сколько хлопот вам доставил. Единственное, что меня извиняет, это крайняя необходимость моего появления здесь. И предельная срочность и важность дела.

Капитан Баннерман, нарочито растягивая гласные, осведомился:

– К при-и-меру?

– К примеру, убийство. Маньяк.

– А-а, вон оно что. Се-е-ри-и-йный убийца? Полагаю, речь идет о том парне, который, по слухам, поет и оставляет цветы?

– Все верно.

– Но причем тут мое судно, черт побери?

– Есть все основания полагать, – сказал Аллейн, – что он находится на борту вашего парохода.

– Не мелите ерунды.

– Да, сколь ни абсурдно это звучит.

Капитан Баннерман вытащил руки из карманов, подошел к иллюминатору, выглянул наружу. Туман окончательно рассеялся, и «Мыс Фаруэлл» шел полным ходом.

– Ну вот, приехали, что называется! – каким-то не своим, сдавленным голосом пробормотал он. – Такого рода команды набирают в нынешние дни. Убийц!

– Мое начальство, – поспешил заметить Аллейн, – не склонно считать, что он член команды.

– Стюарды проплавали на этом пароходе вот уже три сезона.

– И среди них убийцы тоже нет. Ну разве что у одного из стюардов или членов команды оказался на руках посадочный талон.

– Так вы что же, хотите сказать, что преступником является один из пассажиров?

– Ну, на данный момент похоже на то.

– Ясно! – капитан Баннерман снова заговорил своим обычным голосом. – Да вы присядьте. Выпейте чего-нибудь. Я должен был догадаться, что это один из путешественников.

Аллейн сел, но от выпивки отказался – обстоятельство, вызвавшее вполне ожидаемую реакцию у собеседника.

– Ага! – мрачно и с пониманием пробормотал капитан Баннерман. – Ну, конечно, нет. Вы же на службе.

Он так разволновался, что Аллейн счел своим долгом пояснить:

– Кстати, это вовсе не означает, что я собираюсь арестовать вас.

---

⁵ Мидлендс – центральные графства Англии.

– Не думаю, что вообще можете. Во всяком случае, до тех пор, пока мы в море. Очень сильно в том сомневаюсь.

– К счастью, на данный момент этой проблемы не существует.

– Мне следовало более внимательно ознакомиться с уставом, – вздохнул капитан Баннерман.

– Послушайте, – заметил Аллейн. – Может, я попробую хотя бы вкратце описать всю эту историю, и тогда вы поймете, почему я оказался на борту вашего парохода?

– Именно этого я от вас и жду, разве не так?

– Да, – согласился Аллейн. – Просто уверен. Что ж, начнем.

И он посмотрел на капитана Баннермана, который уселся, сложил руки на коленях, вопросительно приподнял брови и ждал.

– Вы, разумеется, знаете обо всех этих событиях, – начал Аллейн, – поскольку они широко освещались в газетах. За последние тридцать дней вплоть до одиннадцати часов вчерашнего вечера было совершено два убийства, которые мы считаем делом рук одного человека. И которые могут оказаться частью более крупной схемы. В обоих случаях жертвами стали женщины, умерли они от удушения, и каждый раз на теле были оставлены цветы. На данный момент не считаю нужным посвящать вас в другие детали. Прошлой ночью за несколько минут до отплытия парохода было обнаружено тело третьей жертвы. Оно лежало в узком темном проходе между тем местом, где останавливаются автобус и такси, и причалом, возле которого пришвартовано ваше судно. Эта девушка работала в цветочном магазине, ей поручили доставить коробку с гиацинтами одной из ваших пассажирок, а именно – некой миссис Диллингтон-Блик. Ожерелье из искусственного жемчуга было порвано, на теле жертвы разбросаны цветы – словом, убийца действовал в обычной своей манере.

– Ну а пение?

– Что? А, это... На этом моменте пресса просто заиклилась. В самом первом случае пение имело место, это определено. То убийство произошло пятнадцатого, в прошлом месяце. И жертвой, если вы помните, была Берилл Коэн, бродячая торговка с Варвик Роуд, она продавала немного и в других местах. Ее нашли мертвой в постели, в съемной квартире на маленькой улочке за Пэддингтоном. Жилец из комнаты наверху вроде бы слышал, как от нее кто-то выходил, около десяти. И он утверждает, что этот человек что-то напевал.

– Ужас какой-то, – пробормотал капитан Баннерман. – Но что за песню он пел, скажите, ради бога?

– Арию Маргариты с драгоценностями, – ответил Аллейн. – Из оперы «Фауст». Пел альтом.

– А у меня бас-баритон, – рассеянно заметил капитан. – Надо же, арию, – мрачно добавил он.

– Второй жертвой, – продолжил Аллейн, – оказалась почтенная старая дева по имени Маргерит Слэттерс, ее нашли задушенной в доме в районе Фулхэма в ночь на двадцать пятое января. Сторож, охранявший склад поблизости, слышал, как кто-то примерно в это же время напевал «Жимолость и пчела»⁶ высоким таким голосом.

Аллейн умолк, но капитан Баннерман явно ждал продолжения.

– Ну и похоже на то, ваш матрос, дежуривший у трапа вчера, слышал, как кто-то поет в тумане. «Очень странным голосом» – так он выразился. А это может означать что угодно. Или же вовсе ничего. Возможно, какой-то моряк напился, вот и горланил. Мелодия была ему незнакома.

---

⁶ «Жимолость и пчела» – песня из детской музыкальной пьесы «Колокольчики в волшебной стране», впервые поставлена в Лондоне в 1902 г.

– Ага! Значит, прошлой ночью. Но как вы узнали, что у жертвы... – Тут капитан Баннерман осекся и заметил: – Ладно, не важно. Продолжайте.

– В левой руке она сжимала, очевидно, в предсмертной агонии, обрывок посадочного талона. Ваша компания вручает такие пассажирам при продаже билета. Я полагаю, что к этому талону, очевидно, прикрепляется сам билет, и талон отрывает офицер, принимающий пассажиров на борт. Особой ценности этот документ не имеет, однако многие пассажиры считают, что он дает им какие-то права, вот и сохраняют его. К сожалению, на этом клочке сохранились лишь слово «Фаруэлл» и дата отплытия.

– А имя?

– Имени не было.

– Ну, это мало что дает в данном конкретном случае, – заметил капитан Баннерман.

– Это дает основания предположить, что жертва боролась с убийцей, крепко сжимая в руке бумажку, вот она и порвалась, и вторая половинка могла остаться у преступника, или же ее унесло ветром по причалу.

– Да с тем же успехом весь этот талон целиком могло бы унести ветром, когда жертва выхватила его.

– Да, конечно, такая возможность существовала.

– Всего лишь возможность. А вторую половинку искали?

– Да. Но когда я ранним утром отплывал из Портсмута, мне сообщили, что ничего там не нашли.

– Ну, вот вам, пожалуйста!

– Но если все остальные пассажиры сохранили свои посадочные талоны...

– К чему им они?

– Давайте займемся этим позже, хорошо? Итак, тело было обнаружено констеблем полиции за пять минут до отплытия вашего парохода. Он славный парень, этот констебль, и, похоже, дружит с головой, однако не успел сесть на борт, потому как вы уже отплыли. Когда он говорил со мной по телефону с пристани, то видел трубу вашего судна, она исчезала в тумане. Ну, целая команда наших из Ярда тут же примчалась туда и произвела все необходимые действия. Мы связались с вашей компанией и поняли: они были чертовски озабочены лишь одним: чтобы ваше отплытие произошло по расписанию, без задержки.

– Нарушать расписание нам запрещено! – воскликнул капитан Баннерман.

– Ну и мои боссы пришли к выводу, что у нас нет достаточных оснований возвращать вас назад, в порт, и что полноценное расследование можно провести и на борту.

– Бог ты мой!

– Было решено, что я поплыву вместе с вами и постараюсь по мере возможности сохранить свою цель в тайне.

– Тогда как прикажете понимать, – медленно, и пока не проявляя признаков недовольства, спросил капитан Баннерман, – как прикажете понимать мою роль в этом деле? Я ведь уже знаю вашу тайну! Как с этим быть?

– Что ж, – пожал плечами Аллейн, – надеюсь, мы обойдемся без вашего активного вмешательства, просто уверен в этом. Но если вдруг случится нечто подобное, и я упущу это из вида, в чем лично сильно сомневаюсь, тогда последствия могут оказаться весьма печальны. И на борту у вас окажется еще один труп прежде, чем мы доплывем до следующей стоянки.

Капитан Баннерман всем телом подался вперед, хотя руки по-прежнему лежали на коленях, и лицо его оказалось в нескольких дюймах от лица сыщика. Глаза у него были пронзительно голубые, какие, по мнению обывателей, и должны быть у моряка, а физиономия налилась густой кирпично-красной краской румянца.

– Вы что же, хотите сказать, – свистящим от ярости шепотом начал он, – что позволите этому типу совершить убийство на моем корабле?

– Пока, – заметил Аллейн, – он убивает с интервалами в десять дней. А стало быть, произойдет это где-то на полпути между Лас-Пальмас и Кейптауном, правильно?

– Я отказываюсь в это верить. Я не думаю, что он у меня на борту.

– Не верите?

– Что он за человек? Поведайте мне.

– Лучше уж вы мне расскажете, – заметил Аллейн. – И весьма вероятно окажетесь правы.

– Я?!

– Вы или кто-то другой. У вас тут курят?

– Тут... – капитан потянулся за шкатулкой, – трубка. Если не возражаете, конечно. – Аллейн достал трубку и принялся набивать ее табаком.

– Подобные случаи, – заговорил он, – расследовать с точки зрения полиции сложнее всего. Мы можем поймать картежного шулера, мошенника, вора карманника, стрелка из ружья или пистолета, да целую дюжину других плохих парней, потому как они сами выдают себя своим поведением или манерами. У них вырабатываются вполне определенные привычки, да и якшаются они обычно с себе подобными. Но здесь совсем другой типаж. Начнем с того, что он никогда прежде не попадал в поле зрения полиции, почти наверняка ведет скромный образ жизни, но притом душит женщин с интервалом в десять дней и оставляет цветы на телах своих жертв. С таким типом должны разбираться психиатры, если он, конечно, к ним попадет, но маньяки предпочитают обходиться без них. Он, своего рода, классический пример. Вот только чего именно? Результат плохих домашних условий в детстве, жертва слишком властной матери или жестокого учителя, получил травму головы во время игры в футбол, жил с бабушкой и дедушкой, которые во всем ему потворствовали? Да причин сколько угодно. Он есть. Он существует. Во всех случаях поведение его просто безупречно, за исключением этих историй, разумеется. Вполне возможно, а такое часто случается, что это маленький незаметный человечек бесцветной внешности, законопослушный во всех других отношениях гражданин лет пятидесяти с хвостиком. И каждый день ведет себя вполне нормально, а потом вдруг выходит из своей норки и становится убийцей. Возможно, его поведение отличается определенной эксцентричностью, но он тщательно это скрывает. А потом вдруг срывается, становится неадекватным. Он получает некий внутренний посыл, который подводит его к совершению преступления. И тогда с виду нормальный человек превращается в монстра.

– Вон оно как, – заметил капитан Баннерман. – В монстра, значит. И это чудовище, как вы полагаете, скрывается среди вполне нормальных людей. Что ж, теоретически вы, наверное, правы. Нет, где угодно, только не на моем корабле.

Мужчины переглянулись, и сердце у Аллейна упало. Он умел отличать упряма от любого нормального человека.

Судно меж тем шло полным ходом и придерживалось запланированного курса. Туман рассеялся уже окончательно, словно его и не было вовсе, впереди простиралась бескрайняя залитая солнечными лучами морская гладь. Пароход шел вперед, оставляя белоснежный пенный след, двигатели работали ритмично и мощно. Англия осталась позади, «Мыс Фаруэлл» держал курс на Лас-Пальмас.

V

– Чего именно вы от меня хотите? – спросил капитан Баннерман. – Вся эта история кажется мне странной и почти что неправдоподобной, но я готов выслушать и учесть ваши пожелания. Думаю, яснее и честнее выразиться невозможно, не так ли? Так что валяйте, выкладывайте.

– Нет, – согласился с ним Аллейн, – честнее, конечно, невозможно. Это самое большое, на что я мог рассчитывать. Но первым делом, наверное, я должен объяснить, чего вам не следует делать. Никто на корабле не должен знать, кто я такой и зачем сел на борт.

– И какова же легенда?

– Насколько я понимаю, должность суперкарго⁷ уже вышла из моды, так что им я притворяться не буду. Может, подойдет роль представителя компании, которого перевели на работу в Дурбан?

Капитан Баннерман окинул его критическим взглядом и заметил:

– Я бы выбрал должность повыше.

– Почему? Из-за моего возраста?

– Возраст тут не причем. И внешность тоже. И, так сказать, общее впечатление, – добавил капитан Баннерман.

– Боюсь, я не совсем пони...

– Да и на больного вы тоже не похожи. В предыдущем рейсе мы взяли на борт троюродного брата исполнительного директора компании. Он перенес приступ белой горячки, ну и должен был пойти на поправку после курса лечения. Вы ничуть на него не похожи. Да и на детектива тоже, если уж на то пошло, – с некоторым осуждением в голосе добавил капитан.

– Вы уж извините.

– В технике разбираетесь?

– Не идеально.

– Ладно, – сказал капитан Баннерман, – предоставьте это мне. Вы кузен председателя и направляетесь в Канберру через Дурбан с какой-то там дипломатической миссией. Чем только не занимаются наши люди в Канберре! Да вы просто не поверите, если узнаете!

– Неужели?

– Это факт.

– Что ж, неплохой вариант. А кто он, этот ваш председатель?

– Сэр Грэм Хармонд.

– Такой маленький толстяк с выпученными глазками, да к тому же еще и заика?

– Ну, – протянул капитан Баннерман, не сводя глаз с Аллейна, – можно и так сказать.

– Так я его знаю.

– Быть того не может!

– Этот вариант подойдет.

– Еще бы!

– Я предпочел бы назваться не своим именем. Обо мне писали в газетах. Как насчет С. Дж. Родерик?

– Родерик?

– Просто мое имя Родерик, но об этом в прессе ни разу не упоминалось. Когда пользуешься вымышленным именем или фамилией, желательно, чтобы они были похожи на твои настоящие. Ну или напоминали имя, к которому ты привык. – Аллейн призадумался на секунду-другую. – Нет, не пойдет, – заметил он. – Давайте обезопасимся. Пусть я буду мистер Бродерик.

– А это не ваш снимок напечатан во вчерашнем выпуске «Геральд Трибьюн»?

– Неужели? Черт...

– Погодите-ка.

Капитан зашел в свою каюту и вынес оттуда газету, так заинтриговавшую мистера Кадди. И развернул ее на той странице, где красовался снимок «пикантной Беррил Коэн, а также суперинтенданта Р. Аллейна (см. сноску)».

---

⁷ Суперкарго – представитель фрахтователя на таймчартерном судне.

- Считаете, здесь я похож сам на себя? – спросил тот.
- Ни чуточки.
- Вот и славно.
- Ну, если и есть сходство, то весьма отдаленное. Тут вроде и губы у вас потолще.
- Верно.
- Понимаю, – нерешительно протянул капитан Баннерман.
- Думаю, рискнуть все же стоит.
- Полагаю, вы будете держаться обособленно?
- Напротив. Хочу по возможности смешаться с остальными пассажирами.
- Это еще зачем?

Аллейн выдержал паузу, затем спросил:

- Скажите, у вас хорошая память на даты?
- Даты?..

– Ну, можете вы, к примеру, обеспечить себе железобетонное алиби плюс еще свидетеля на пятнадцатое число прошлого месяца между десятью и одиннадцатью часами вечера, затем на двадцать пятое января с девяти вечера до полуночи? Ну и, наконец, на вчерашнюю ночь за полчаса до отплытия?

Капитан Баннерман взволнованно запыхтел, что-то пробормотал себе под нос, а затем ответил:

- Думаю, что не на все три.
- Ну, вот вам, пожалуйста. Сами понимаете.

Капитан Баннерман снял очки и снова приблизил покрасневшую физиономию к лицу Аллейна.

- Я похож на сексуального маньяка? – яростно прошипел он.
- Не того спрашиваете, – миролюбиво откликнулся Аллейн. – Я понятия не имею, как они выглядят. В том-то и проблема. Пытаюсь вам втолковать, но вижу, не получилось.

Поскольку капитану Баннерману нечего было на это ответить, Аллейн продолжил:

– Я должен проверить, где в этот промежуток времени находились все ваши пассажиры и, пожалуйста, поймите меня правильно, вы сами, сэр. Остается только надеяться, что все вышеупомянутые лица смогут предоставить твердое стопроцентное алиби. И вы в том числе.

– Послушайте! А ведь я могу отчитаться за пятнадцатое. Мы бросили якорь в Ливерпуле, и я пробыл на борту с посетителями до двух часов ночи.

- Если представите тому доказательства, не стану арестовывать вас за убийство.

Капитан Баннерман многозначительно произнес:

- Все же вы избрали довольно странный стиль общения с командиром судна.
- Я хотел сказать только это, ничего более и без всяких задних мыслей. И потом, ведь не вы, наверное, поднимаетесь на борт своего корабля, зажав в руке посадочный талон.
- Как правило, нет, – отозвался капитан Баннерман. – Такого за мной не водится.

Аллейн поднялся.

– Я понимаю, – начал он, – какие проблемы создал вам, появившись на борту судна, и искренне о том сожалею. Постараюсь держаться тихо и незаметно, как мышка.

– Готов побиться об заклад, поставить на кон что угодно! Но этот человек с нами не плывет. Такого быть не может! Ясно вам?

– Если бы мы были в том абсолютно уверены, то не стали бы чинить вам все эти неудобства.

- Все это какая-то ужасная ошибка!
- Возможно.

– Что ж, – ворчливо произнес капитан Баннерман, поднимаясь на ноги. – Полагаю, все же придется смириться с этой ситуацией. Вы, наверное, хотите видеть свою каюту. Есть одна

свободная для офицерского состава. На капитанском мостике. Можем поселить вас там, если, конечно, устраивает.

Аллейн ответил, что устраивает как нельзя лучше. – И еще желательно, чтобы ко мне относились как к обычному пассажиру.

– Я скажу старшему стюарду. – Капитан подошел к письменному столу, уселся за него, взял листок бумаги и принялся писать, бормоча себе под нос:

– Мистер С. Дж. Бродерик, родственник председателя, отправляется в Канберру работать в Министерстве по делам Содружества. Все правильно?

– Так точно. Думаю, не стоит напоминать, что вы должны сохранять абсолютную секретность.

– Не стоит. У меня нет ни малейшего желания выставить себя полным идиотом, вести с кем-либо на корабле все эти абсолютно дурацкие разговоры.

Ветер крепчал, задувал в иллюминатор. Только что написанную бумагу капитан называл меморандумом. Он перевернул листок и проставил на нем номер пассажирского посадочного талона на судно «Мыс Фаруэлл».

Затем, пристально глядя прямо в глаза Аллейну, капитан проговорил:

– Я зарегистрировал его вчера, в конторе. Так что помните. – Он нервно усмехнулся. – И посадочный талон не порван.

– Нет, – сказал Аллейн. – Я это заметил.

Тут вдруг ожил корабельный гонг. Он мелодично возвещал о том, что сейчас на борту «Мыса Фаруэлл» состоится первый ленч.

Глава 4

Гиацинты

I

Проследив за тем, как Аллейн карабкается по веревочному трапу на борт, Джемайма Кармишель вернулась в свой укромный уголок на палубе под надстройкой и снова взялась за книжку.

Все утро она пребывала словно в трансе, ей больше не хотелось плакать или думать о разорванной помолвке и сценах, которые ее сопровождали. Не хотелось думать о том, как она несчастна. Чем дальше отходил пароход от берега, тем на большую дистанцию отдалялись от нее все эти душевные муки и переживания, которые довелось испытать ночью, пока пароход плыл по Темзе, а затем – и по Английскому каналу. Она расхаживала по палубе до тех пор, пока не устала, ощущала на губах привкус соли, слышала, как перекликаются между собой чайки, наблюдала за тем, как они то выныривают из тумана, то таинственным образом исчезают в нем. И вот теперь на солнышке на нее навалилась дремота.

Открыв глаза, она увидела неподалеку от себя доктора Тимоти Мэйкписа, он стоял, облокотившись о перила, к ней спиной. Джемайма отметила красивый затылок и изящный изгиб шеи, на которую падают аккуратно подстриженные каштановые волосы. Тимоти что-то тихонько насвистывал себе под нос. Джемайма, все еще пребывающая в странном состоянии транса, бездумно разглядывала его. Наверное, он почувствовал на себе ее взгляд. Обернулся и улыбнулся.

– Вы в порядке? – спросил он. – Не страдаете морской болезнью?

– О нет, ничего такого. Просто почему-то хочется спать.

– Полагаю, виной тому море. Говорят, будто оно оказывает подобное воздействие на некоторых людей. Вы видели, как тут недавно отчалил катер и на борт поднялся какой-то красивый темноволосый незнакомец?

– Да, видела. Наверное, опоздал вчера на пароход, как думаете?

– Понятия не имею. Вы идете на выпивку у Обина Дейла перед ленчем?

– Нет.

– А я думал, вы там будете. Вы с ним еще не познакомились? – Похоже, Тимоти не ожидал ответа на этот вопрос, просто подошел поближе и покосился на обложку книги, которую держала Джемайма.

– «Елизаветинские стихи»? – произнес он. – Вижу, вы не презираете антологии. Ну и кто же ваш любимчик? Не считая Барда, разумеется?

– Ну, наверное, все же Майкл Дрейтон. Ведь это он написал: «Поскольку помощи неоткуда ждать».

– А я всякий раз за Барда. – Он взял книгу из ее рук, открыл наугад и начал цитировать:

– «О да, о да, любая из девиц,

Обманутая Купидоном злобным,

Насмешником... не видящим ни лиц...» – прочел он вслух.

– А ведь здорово сказано, верно? Насмешник злобный Купидон. Нет, стихи просто замечательные. А вы... хотя нет, – начал было Мэйкпис, но тут же осекся. – Сейчас я делаю то, что твердо зарекся не делать.

– Что же именно? – поинтересовалась Джемайма, без особого впрочем любопытства.

– Ну, уделять вам особое внимание.

- Типично эдвардианское выражение.
- Но от этого оно ведь не хуже!
- Вам, наверное, уже пора на сборище у Дейла?
- Наверное, – уныло согласился он. – Хотя я и не сторонник выпивки среди бела дня. И уж совсем не принадлежу к числу поклонников мистера Обина Дейла.
- О...
- Но, думаю, все же стоит познакомиться с человеком, который этим поклонником является.
- Все так его ревнуют, – небрежным тоном заметила Джемайма.
- Возможно, вы правы. Еще одна веская причина не любить этого типа. Величайшей ошибкой было бы считать ревность недостатком или даже виной. Напротив, ревность во многих случаях обостряет ощущения.
- Что не помешало Отелло совершить роковую ошибку!
- Но так оно и есть. Ведь то была его *интерпретация* увиденного, вот в чем состояла его ошибка. Он *увидел*, и вслед за этим ощущения его обострились до крайности.
- Знаете, я не согласна.
- Из чистого упрямства.
- Нет, послушайте! – воскликнула Джемайма, впервые за все время проявив искреннюю заинтересованность к своему собеседнику.
- Он видел, как Кассио продельывает какие-то мудреные венецианские манипуляции над рукой Дездемоны. Он видел это еще раз, испортив страничку в своих записях. Он с патологически обостренной наблюдательностью отмечал все знаки внимания, которые оказывает Кассио его жене.
- Что ж, – философски заметила Джемайма, – если вы со столь же патологически обостренной наблюдательностью будете отмечать все знаки внимания, которые Обин Дейл оказывает своим поклонницам женского пола, сколько бы их там ни было, то мне вас просто жаль.
- Ладно, умница! – добродушно заметил Тим. – Вы победили.
- Ведь в конечном счете только интерпретация – вот что важно.
- Но само по себе восприятие представляет огромную ценность. Строго научные исследования показали, что последовательное наложение одного отмеченного факта на другой...
- И что если следовать строго научной интерпретации, все они свалются в один огромный ком и получится полная ерунда.
- Ну зачем же вы так? – с почти нежным упреком заметил он. – Это вы говорите сейчас полную ерунду!
- Ну, знаете ли!
- Ладно, теперь что касается Обина Дейла. Как вам его большая ТВ-программа «Упакуй свои беды в старый мешок»? Иными словами: «Приходи ко мне всяк и каждый, у кого болит живот, и я выставлю вас перед публикой, да еще и заплачу за это!» Будь я человеком религиозным, то назвал бы это богохульством.
- Я не говорила, что мне нравятся эти его программы...
- И тем не менее он изумительно ловко валяет дурака и порой очень остроумен. Но достаточно вспомнить его репортаж со знаменитой выставки цветов в Молтон Медбери...
- Я так толком и не поняла, что же там произошло.
- Очевидно, он был пьян в стельку. Отправился со своими телеоператорами на цветочное шоу в Молтон Медбери, главной героиней которого была пожилая леди по имени Агата Пэнтинг. Судя по всему, напился он еще до съемок, и когда заговорил в камеру, то заявил, что главный приз присуждается леди Агате за умбеликус⁸ глобальный. Он хотел сказать, – пояснил

---

⁸ Умбеликус – от латинского «пупок».

Тимоти, – за Агапантус Умбеллатус Глобосус⁹. И это его просто добило, потому как постыдную оговорку повторяли затем в разных кругах, и время от времени у него стали возникать рецидивы так называемого «спунеризма»¹⁰. Это продолжалось неделями. Буквально на днях он освещал открытие выставки гиацинтов и сказал, что для успешного их выращивания надо использовать «базу из дерьма».

– О нет! Бедняга. Так опозориться, это надо уметь.

– И вот он сбрил эту свою отвратительную маленькую бородку и предпринял, как мне кажется, долгое морское путешествие, чтобы забыть об этом позоре. Он, как говорится, в плохой форме, так я полагаю.

– Уверены? Что у докторов означает в «плохой форме»?

– Невроз, – коротко ответил Тимоти. – Одна из разновидностей невроза.

Тут мелодично зазвонил гонг на капитанском мостике.

– Бог ты мой, уже сзывают на ленч! – воскликнул Тимоти.

– Как же будете оправдываться перед хозяином вечерники?

– Скажу, что у меня был срочный вызов к кочегару. Но лучше все же заглянуть, хотя бы на минутку. Простите, я, наверное, страшно вам надоел. Ну, до свиданья, – и с этими словами Тим поспешно удалился.

Зашагал по палубе быстро и не оглядываясь.

И тут, к своему удивлению и даже некоторому отвращению, Джемайма вдруг почувствовала, что страшно проголодалась.

II

Компания «Кейп» занималась в основном грузоперевозками. Тот факт, что на каждом из шести принадлежавших ей судах могли получить приют по девять пассажиров, никоим образом не влиял на основные функции компании. Имелся на борту и старший стюард, и специальный стюард, заведующий баром, и некое безымянное существо, приходившее прибраться в пассажирских каютах. Его можно было обнаружить в самый неожиданный момент дрящим кран в раковине или душевой. Размещение, обустройство, кормление и в ограниченных пределах развлечение девяти пассажиров – все это определялось в головном офисе компании и являлось частью многочисленных забот капитана судна.

Вообще-то капитан Баннерман предпочитал не брать на борт пассажиров, всегда считал их потенциальным источником разного рода неприятностей. Однако когда на борту его парохода появлялся кто-то калибра миссис Диллингтон-Блик, его реакция в точности соответствовала поведению девяноста процентов мужчин, в поле зрения которых возникала эта дамочка. Он распорядился, чтобы ее посадили за его стол (что, к счастью, не являлось нарушением, поскольку при первом же взгляде на эту даму становилось ясно, что она персоне из разряда ВИП), и до появления Аллейна с живейшим нетерпением предвкушал приятное общение с ней, хотя бы за трапезами. Сам он считал, что выглядит куда моложе своих лет.

Обиная Дейла он тоже посадил за свой стол, поскольку Дейл был знаменитостью, и капитан Баннерман надеялся, что миссис Диллингтон-Блик оценит соседство со знаменитостью номер один. Теперь же он мучительно размышлял над тем, будет ли Аллейн достойным дополнением к этой компании за столом. Разместить остальных пассажиров он поручил старшему стюарду, и тот усадил чету Кадди и мистера Дональда Макангуса за стол первого помощника, которого недолюбливал; Джемайму Кармишель и доктора Мэйкписа – за стол ко второму помощнику, добавив в компанию к ним судового радиста, которому симпатизировал. Ну и наконец, мисс

---

⁹ Агапантус – зонтичный, цветок, его еще называют африканской лилией.

¹⁰ Спунеризм – произвольная перестановка звуков.

Эббот, отец Джордан и мистер Мэрримен заняли места рядом с главным механиком, к которому стюард относился вполне нейтрально.

Таким образом, первый ленч на борту стал также первым случаем, когда за столами рядом со старшими офицерами – за исключением тех, кто находился на дежурстве – разместились пассажиры. В углу стоял еще один длинный стол, за ним сидели молодые люди, с разницей в возрасте в несколько лет, и все смотрели как-то застенчиво. То были младшие офицеры, электрики и механики, а также курсанты.

Аллейн подошел к своему столу первым, ему вежливо отодвинул стул старший стюард. Супруги Кадди, уже занявшие свои места, с интересом воззрились на новоприбывшего, и мистер Макангус тоже. Пожираемая любопытством миссис Кадди, ничуть не стесняясь, так и сверлила Аллейна взглядом, просто не сводила с него глаз. Механика этого взгляда была сравнима разве что с маяком, который с разной частотой посылает свои световые сигналы в море.

Мистер Кадди, напротив, старался скрыть свое любопытство под рассеянной улыбкой, а мистер Макангус закатил глаза и лишь украдкой поглядывал на своего соседа, стараясь не поворачивать головы.

Мисс Эббот, сидевшая за столиком главного механика, бросила на Аллейна всего один острый взгляд и больше не смотрела. Мистер Мэрримен взъерошил волосы, широко раскрыл глаза, а затем с преувеличенным интересом стал разглядывать меню. Отец Джордан вежливо покосился на Аллейна, потом с приятной улыбкой обернулся к своим компаньонам.

В этот момент в кают-компанию вплыла миссис Диллингтон-Блик во всем своем женственном великолепии. Следом за ней шествовали капитан, Обин Дейл и Тимоти Мэйкпис.

Капитан представил Аллейна:

– Знакомьтесь, мистер Бродерик, присоединился к нам только сегодня...

Мужчины обменялись приветствиями. Миссис Диллингтон-Блик, считавшая себя истинной душой и украшением компании, будто излучала сияние. Все вокруг нее всегда расцветало пышным цветом. «Веселье, – казалось, говорила она про себя. – Радость и веселье, вот в чем я поистине сильна. Так постараемся же вместе как следует повеселиться!»

Аллейн так и купался в ее внимании. Глаза ее сияли, губы влажно блестели, изящные пальчики трепетали, оглаживая рубенсовские плечи.

– Но я *видела* вас! – воскликнула она. – Стояла и смотрела, затаив дыхание! Видела, как вы поднимались на борт, цепляясь за эту ужасную штуку! Скажите мне, только честно! Вам было очень страшно, или я просто дурочка?

– Чертовски страшно, – ответил Аллейн, – и никакая вы не дурочка. Да я весь дрожал с головы до пят.

Миссис Диллингтон-Блик разразилась звонким смехом. Она играла бровями, глядя на Аллейна, аплодировала капитану.

– Ну, вот вам, пожалуйста! – воскликнула она. – Так я и думала. Да как вы только посмели? Если бы передо мной стоял выбор – кормить собой этих маленьких рыбок или карабкаться по ужасной лестнице, я бы предпочла прыгнуть прямо в пасть акуле. И нечего тут важничать, – упрекнула она капитана Баннермана.

Именно на такого рода застольный разговор он и надеялся. Красивая женщина подшучивает над всеми. Имеет полное право. И, несмотря на массу свалившихся на него хлопот, он гордо выпятил грудь, обтянутую униформой.

– Вижу, вы у нас стреляный воробей, – начал поддразнивать он ее. – Так что спустим вас на берег именно таким образом, когда прибудем в Лас-Пальмас. – Обин Дейл с усмешкой смотрел на Аллейна, тот шутливо подмигнул ему. Миссис Диллингтон-Блик сразу начала пользоваться огромным успехом. Еще бы, трое мужчин, один из них знаменитость, двое других хороши собой, и все явно заигрывают с ней. Лас-Пальмас? О чем это вы?.. Неужели она должна?.. О нет! Она им не верит!

Целый ряд образов в стиле рококо, гонящихся друг за другом, пронесся в воображении Аллейна.

– Не стоит придавать этому значения, – заметил он ей. – Вы прекрасно справитесь, просто уверен. Насколько я понимаю, если море бурное, они помещают внизу большую спасательную сеть. Ну, знаете, как в цирке, когда воздушные гимнасты исполняют какой-нибудь опасный номер. Если вдруг сорвутся...

– Даже слышать не желаю!

– Такое уж правило, я вас не обманываю, – добавил Аллейн. – Я прав, сэр?

– Разумеется.

– Нет, это неправда! Мистер Дейл, да они просто издеваются надо мной!

– Я на вашей стороне, – сказал Дейл. То была фраза, которую он часто использовал в телерепортажах, ободряя робких участников. Он уже говорил с миссис Диллингтон-Блик как с давней знакомой, и одновременно – с оттенком почтения, что было характерно для его программ. И это вызывало у Аллейна и у восьмидесяти процентов присутствующих здесь мужчин тайное желание дать ему хорошего пинка под зад.

За капитанским столом много смеялись. Миссис Кадди смотрела в ту сторону так пристально, что один раз едва не пронесла ложку мимо рта.

В пассажиров вселилось некоторое беспокойство, ощущение, что они обделены вниманием, а у двух женщин это вызвало даже отвращение. Мисс Эббот злилась на миссис Диллингтон-Блик за то, что та дурачит трех мужчин. Миссис Кадди обижалась на нее же за то, что эти мужчины превратились из-за нее в полных идиотов. Мало того, ей не нравилась широкая улыбка мистера Кадди, возникавшая всякий раз, когда тот поглядывал на миссис Диллингтон-Блик. Джемайма Кармишель лишь дивилась тому, что миссис Диллингтон-Блик пользуется таким успехом, а затем принялась обманывать саму себя: да этот новый пассажир, думала она, способен вскружить голову любой девушке. Потом она заметила, что мистер Мэйкпис то и дело поглядывает на нее, и, к крайнему своему раздражению, залилась краской. На протяжении почти всего ленча она вела светские разговоры со вторым помощником, застенчивым молодым человеком родом из Уэльса, и с радистом, мужчиной довольно диковатым и немногословным, что обычно присуще людям его профессии.

После завтрака Аллейн пошел посмотреть свое временное пристанище. Дверь и иллюминатор каюты для офицеров выходили на капитанский мостик. Он смотрел сверху вниз и видел, как нос корабля, точно стрела, разрезает волны; впереди, насколько хватало глаз, простиралась бескрайняя серповидная гладь. В других обстоятельствах он мог бы насладиться этим путешествием. Аллейн распаковал чемоданы, подмигнул жене на снимке, затем спустился вниз и быстро осмотрел пассажирский отсек. Он находился на том же уровне, что и кают-компания: коридор, куда выходили двери кают, тянулся от левого до правого борта. Все двери были закрыты, за исключением одной, в кормовой части. Она была распахнута настежь: заглянув в каюту, Аллейн увидел, что она буквально набита цветами. Здесь же он обнаружил Дениса, тот с задумчивым и несколько растерянным видом посасывал палец. Аллейн сразу понял, что Денис, которого он видел в первый раз, наверняка может стать очень важным источником информации. Аллейн остановился у двери.

– Добрый день, – сказал он. – Вы стюард, который обслуживает каюту на мостике?

Очевидно, Денис уже слышал об Аллейне. Он поспешил к двери, одарил незнакомца приятной улыбкой и сказал:

– Обычно нет, но рад и счастлив быть вам полезен, мистер Бродерик.

Аллейн дал ему на чай пять фунтов. Денис смутился:

– О, что вы, сэр, не стоило бы, – и тут же сунул купюру в карман. Потом указал на цветы и заметил:

– Никак не могу решить, сэр. Миссис Диллингтон-Блик сказала, что часть этих цветов я должен отнести в столовую и в салон, ну, после того, как закончу дела в баре, но я не знаю, какие лучше. Такое богатство и разнообразие! А что бы вы выбрали для салона, сэр? Декор там в темно-розовых тонах.

Аллейн так долго не отвечал, что Денис тихо хихикнул.

– Да, сами видите, это вам не фунт изюма! – сочувственно произнес он.

Аллейн вытянул указательный палец.

– Эти, – сказал он. – Я бы определенно выбрал эти, – повторил он, развернулся и двинулся по коридору в другое помещение.

III

То была скромная комбинация бара, курилки и комнаты для игры в карты, здесь же пассажиры обычно пили кофе. Движимые загадочным механизмом, отвечающим за симпатии и антипатии, они уже начали сколачиваться в группы. Мистер Макангус оказался за ленчем рядом с четой Кадди, сейчас они снова льнули к нему, но ему было несколько не по себе в этой компании, возможно, потому, что миссис Кадди как-то слишком уж пристально разглядывала его прическу. Аллейн заметил, что волосы у Макангуса какого-то неестественного каштанового цвета, без пробора и, пожалуй, слишком уж отросли сзади. Он достал из кармана пачку сигарет с травяной начинкой, закурил и объяснил присутствующим, что страдает от астмы. Ну и тут же завязался оживленный разговор о болезнях. И мистер Макангус признался, что недавно перенес операцию, а мистер Кадди развил тему и принялся с энтузиазмом перечислять симптомы язвы двенадцатиперстной кишки, которую у него подозревали.

Отец Джордан и мистер Мэрримен вдруг выяснили, что питают пристрастие к детективным романам, и радостно улыбались друг другу за чашками кофе. Из всех мужчин-пассажиров, решил Аллейн, именно отец Джордан обладал наиболее выразительной внешностью. И призадумался над тем, что же заставило этого человека стать англо-католическим священником и дать обет безбрачия. Умное и такое живое лицо было отмечено бледностью, вызванной, несомненно, образом жизни, но бледность эта скорее подчеркивала, а не скрывала чувственность рта и выразительность цепких темных глаз. Короткие мускулистые белые руки, волосы густые и блестящие. Он казался куда энергичнее и активнее своего компаньона, чье по-детски капризное лицо, как решил Аллейн, является лишь защитной маской самого обычного школьного учителя. Впрочем, он тотчас одернул себя. Такого уж обычного? Неужели мистер Мэрримен, этот законченный педант, культивирует в себе эксцентрику? Вот решил совершить морское путешествие, чтобы хоть как-то компенсировать сметную скуку схоластической рутины. Эдакий дон *manqué*¹¹? Аллейн тут же призвал себя проявлять больше снисходительности, не пускаться в абстрактные умозаключения и продолжать наблюдение за остальными.

Доктор Тимоти Мэйкпис стоял, склонившись над Джемаймой Кармишель в довольно нелепой позе молодого англичанина на ранней стадии влюбленности. Аллейн отметил решительные очертания рта и подбородка доктора Мэйкписа и еще, поскольку его прежде всего интересовали руки, – удивительно длинные пальцы судового врача.

Мисс Эббот сидела в одиночестве на кушетке у стены. Она читала. Руки, державшие аккуратно обернутую книжку, были крупные, мускулистые. Лицо, подумал Аллейн, нельзя было бы назвать совсем уж некрасивым, будь оно более подвижным. И еще если бы не эта – как же лучше выразиться? – грубоватость в очертаниях подбородка.

Что касается Обина Дейла, то и он тоже был здесь, сидел рядом с миссис Диллингтон-Блик у стойки маленького бара. Увидев Аллейна, игриво поманила его к себе. Она труди-

---

¹¹ *manqué* – неудачник (фр.).

лась над созданием своей группы, объединенной общими интересами. Подойдя, Аллейн увидел, что Обин Дейл положил свою крупную, безупречно ухоженную руку поверх ее ручки и разразился звонким заразительным смехом.

– Вы совершенно удивительное существо! – как-то по-мальчишески воскликнул он и обернулся к Аллейну. – Ну, признайтесь, разве она не чудо?

Аллейн тут же согласился и заказал всем троим выпивку.

– Вы просто сняли эти слова у меня с языка, приятель! – воскликнул Дейл.

– Но мне нельзя! – запротестовала миссис Диллингтон-Блик. – Я сижу просто на *инквизиторской* диете! – Она опустила глаза, покосилась на своего кавалера, потом посмотрела на Аллейна и приподняла бровки. – Мой дорогой! Ну вы же сами видите. Я просто не должна пить, вот и все.

– И тем не менее собираетесь, – заметил Аллейн.

Тут вездесущий Денис возник за стойкой и подал всем напитки. Миссис Диллингтон-Блик, многозначительно взглянув на Дейла, сказала, что если она наберет хотя бы еще одну унцию, то ни за что не влезет в фирменный купальник от Джолиона. И они принялись обсуждать знаменитое рекламное шоу на коммерческом телевидении. Выяснилось, что, когда Дейл ездил в Америку, спонсор поставил ему условие провести это получасовое шоу. И там он был окружен целой толпой совершенно шикарных девушек-манекенщиц, одетых в купальники от Джолиона. Дейл выразительно водил руками в воздухе, описывая их изгибы. Потом наклонился к миссис Диллингтон-Блик и что-то зашептал ей на ушко. Аллейн заметил небольшие припухлости у него под глазами и отвислую складку кожи под маленьким подбородком – очевидно, этот недостаток внешности прежде скрывала борода. «Неужели это невзрачное лицо, – спросил себя Аллейн, – могло собрать вокруг себя тысячи красоток с крутыми бедрами?» Оставалось лишь недоумевать, как такое могло случиться.

– Ты про цветы не забыл? – спросила миссис Диллингтон-Блик Дениса, и тот заверил ее, что нет, не забыл.

– Как только выдастся свободная минутка, сбегая и принесу их, – пообещал стюард и улыбнулся Аллейну. – Все выбрал и подготовил.

Поскольку беседа Обина Дейла с миссис Диллингтон-Блик принимала все более конфиденциальный характер, Аллейн решил оставить парочку в покое. В дальнем углу салона мистер Мэрримен возбужденно говорил что-то отцу Джордану, а тот становился все мрачнее. Поймав на себе взгляд Аллейна, он приветствовал его вежливым кивком. Аллейн потоптался возле супругов Кадди и мистера Макангуса, затем прошел мимо мисс Эббот. Он увидел свободную кушетку в дальнем углу и устремился к ней, но тут его остановил отец Джордан. – Не желаете присоединиться к нам, сэр? Здесь в креслах куда как удобнее, заодно и познакомимся поближе.

– Буду рад, – отозвался Аллейн, и знакомство состоялось. Мистер Мэрримен настороженно взглянул на него поверх очков и сказал:

– Как поживаете, сэр? – А затем вдруг заметил: – Насколько я понимаю, вы бежали, поскольку ситуация стала просто невыносимо мучительной, так?

– Я? – удивился Аллейн. – Но я не совсем по...

– Один лишь вид, – перебил его мистер Мэрримен довольно громким голосом, – один вид этого клоуна, распускающего перья у барной стойки, вызывает у меня крайнее отвращение. Несомненно, и у вас тоже.

– Ну, зачем вы так? Не стоит, – возразил отец Джордан.

– Не будем слишком к нему строги, – добавил Аллейн.

– Вы, конечно, знаете, кто он такой.

– Да, разумеется.

– Да, да, – закивал отец Джордан. – Знаем. Тише!

– Вы когда-нибудь смотрели его совершенно непристойные еженедельные выпуски по телевизору?

– Я не слишком большой поклонник телевидения, – сказал Аллейн.

– Что ж. Поступаете мудро. А что остается мне, плохо оплачиваемому педагогу, как ни сидеть перед экраном телевизора вечерами по вторникам, наряду с другими представителями среднего класса с низким интеллектом, и «пялиться» (что за ужасное выражение!) на ужимки этого человека? Позвольте рассказать, сэр, что он там вытворяет. Он рекламирует дамские купальные принадлежности, а в другой программе подстрекает – ничтоже сумняшеся – подстрекает наших граждан делиться с ним своими проблемами и горестями! И идиоты делятся! Находятся такие! – Мистер Мэрримен распалился уже не на шутку. – Нет, вы только представьте! Всегда находится какой-нибудь простофиля. А он, наш герой, как правило, вне фокуса и почти неузнаваем. Смотрит на этого типа и нас сверху вниз и, вдохновляемый своим богохульством (надеюсь, что в обществе священнослужителя я правильно использую именно этот термин), богохульно смеет воображать себя существом высшего порядка! Кажет нам не свой истинный лик, но низменную личину, приукрашенную прежде лохматой бородашкой, и все в его словах и манерах ложь и фальшь!

Аллейн с улыбкой покосился на мистера Мэрримена, а потом с сожалением подумал, что сам не наделен талантом столь красноречиво и язвительно высказывать свое отвращение к чему бы то ни было. Больше всего в этот момент Мэрримен походил на рассерженного ребенка.

– Можете мне поверить, – злобным шепотком продолжил учитель, – сейчас в моду входит этот чудовищный процесс, который называют «выговориться». Испытуемый рассказывает Этому Типу о самых интимных подробностях и трудностях в ее жизни (как правило, подчеркиваю, это женщина). Затем он все обсуждает, делает вывод, его благодарят, ему аплодируют, он весь так и раздувается от собственной значимости. Ну а потом перед ним предстает новая жертва. Вот так! Ну, что вы думаете обо всем этом?

– Думаю, выглядит весьма сомнительно, – ответил Аллейн.

Отец Джордан покосился на него и комически изобразил отчаяние.

– Давайте сменим тему, – предложил он. – Вы, мистер Мэрримен, говорили тут, что этот психопат убийца...

– Вы, разумеется, слышали, – мистер Мэрримен отказывался съезжать с проторенной дорожки, – как он опозорился в одном из последних выпусков, где речь шла о цветочной выставке. Сказал, что премия присуждается леди Агате за умбекулис глобальный, – процитировал он, – и залился визгливым смехом.

– Ну, вот что, – заметил отец Джордан, – я в настоящее время в отпуске, и если честно, мне не хотелось бы терять свое достоинство священнослужителя, опускаясь до мелких сплетен. – Не успел мистер Мэрримен ему возразить, как он повысил голос и добавил: – Поднимем, фигурально выражаясь, упавшего со стены Шалтая-Болтая. Меня страшно заинтересовала ваша история о преступниках маниакального типа, то есть, людях психически нездоровых. Какую книгу вы рекомендовали прочесть? Вроде бы автор – американский психиатр...

– Не припоминаю, – обиженно пробормотал мистер Мэрримен.

– Скажите, это случайно не «Демонстративное насилие» Фредерика Вертема?

Отец Джордан облегченно выдохнул и обернулся к нему.

– Ага! Значит, вы тоже фанат этого жанра, к тому же весьма образованный?

– Ничего подобного. Просто скромный любитель. А кстати, почему, как думаете, всех так завораживают самые жуткие криминальные истории? – Он посмотрел на отца Джордана. – Что скажете, сэр?

Отец Джордан медлил с ответом, и тут снова встрял мистер Мэрримен:

– Лично я убежден, что люди читают об убийствах в качестве альтернативы. Поскольку сами не решаются убить.

– Клапан для выпуска паров? – предположил Аллейн.

– Своего рода, замещение. Так называемый антисоциальный посыл внедряется в сознание людей наиболее к нему восприимчивых. И мы совершаем свои насильственные преступления на безопасном расстоянии. Ведь все мы, – заметил мистер Мэрримен, уютно сложив руки на животе, – в глубине души дикари. – Похоже, он вновь обрел хорошее настроение.

– Вы согласны? – обратился Аллейн к отцу Джордану.

– Полагаю, – ответил он, – мистер Мэрримен говорит сейчас о том, что я называю первородным грехом. Если так, то да, конечно, согласен.

Тут все трое разом умолкли. И в это молчание врезалась, точно камень в пруд, следующая ремарка Аллейна, произнесенная громко и отчетливо:

– Возьмем, к примеру, этого душителя, человека, который хочет что-то сказать этими... как их? Розами? Что, как полагаете, может стоять за всем этим?

И снова все молчали. Долго, не меньше пяти минут.

И тут вдруг мисс Эббот уточнила:

– Не розы. Гиацинты. Причем разных сортов и цветов. – Она подняла глаза от книги, пристально посмотрела на миссис Диллингтон-Блик. – Цветы из теплицы. Потому что сейчас зима. А в первый раз были, как мне кажется, подснежники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.